

ТЕБЯ НИКТО
НЕ ПОЩАДИТ
МАЙАРАНА МИСТЕРУ

Майарана Мистеру

Тебя никто не пощадит

«Литнет»

2026

Мистеру М.

Тебя никто не пощадит / М. Мистеру — «Литнет», 2026

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26 «Тебя никто не пощадит!» — бросила мне сводная сестра сквозь решетку перед казнью, и эти слова до сих пор были выжжены в моем разуме. Я верила им, а они, лишив меня воли, заставили совершить самое страшное преступление в империи, после чего с улыбкой отправили на плаху. Теперь, чудом вернувшись во времени в свое восемнадцатилетие, я смотрю в их лживые, улыбающиеся лица и понимаю одно: моя сестра была абсолютно права — пощады не будет. Только в этой жизни безжалостным палачом стану я. Роман появился на бумаге Похожие книги: Тебя никто не спасет - Тебе никто не поверит -

© Мистеру М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

«Тебя никто не пощадит!» — сказала сестра, стоя по другую сторону решетки.

С усмешкой вспоминаю ее слова, прикрыв глаза.

Я поняла это еще в тот день, когда они убили моего ребенка. Моего бедного мальчика, рожденного с изъянами, которые никак не подходили первенцу наследного принца.

Ветер на городской площади сегодня был особенно холодным. Он забирался под ярко-красное платье, вызывающе пылавшее на сером фоне помоста и толпы, кусал кожу, но я почти не чувствовала этого.

Холод снаружи был ничем по сравнению с ледяной пустошью, что царила у меня внутри.

Это платье... Его рано утром принесла мне Мардин. Моя «сводная» сестра, чье происхождение вызывало сомнения с самого начала.

Сказала, что это подарок, чтобы я «выглядела достойно» на своей казни.

На самом деле она хотела, чтобы я выглядела, как шлюха. Чтобы даже в последние минуты жизни я не вызвала жалости, а только презрение. Ярко-красный шелк, слишком глубокий вырез, ткань, которая льнет к телу.

И я надела его. Мне было все равно. Пусть они видят то, что Мардин хотела им показать. Это не имело значения.

Я стояла на коленях на шершавом помосте. Ярко-красный шелк моего платья казался пятном крови на фоне темного дерева. Прямо передо мной стояла деревянная плаха. Я смотрела на нее равнодушно рассматривая глубокие зарубки от топора. Скоро там появится еще одна. Моя.

Усмехнулась.

Глашатай выкрикивал слова приговора. Громко, торжественно, растягивая гласные. Предательница, убийца... Слова пролетали мимо меня, не задевая разума. Они говорили о ком-то другом. Не обо мне.

Та Элея, которую они судили, умерла задолго до этого дня. Вся моя жизнь... она была сплошным, нескончаемым уроком страдания.

Сначала тихая ненависть отца и мачехи, потом издевательства сестры. У меня отобрали род. Содрали, словно старую кожу, гордость. У меня отобрали право любить деда, заставив поверить в его равнодушие. У меня отобрали лицо, оставив уродливые шрамы. И наконец, у меня отобрали моего ребенка. Убили, как ненужного котенка.

Они выжгли меня изнутри. Оставили лишь пустую оболочку, которую теперь так торжественно собирались уничтожить.

В памяти смутно, словно сквозь грязное стекло, всплыли глаза Дэйрона. Последний взгляд черного дракона. Удивление, боль и... бесконечное сострадание. И ощущение рукояти кинжала, до боли впившейся в мою ладонь. И его голос, который точно так же пронзил мое сердце.

«Уходи, Лея...»

Я не хотела этого делать. Мой разум кричал, умолял остановиться, но тело не слушалось, повинаясь чужой воле. Я убила его. Убила того, кто, возможно, единственный во всем этом проклятом мире смотрел на меня без отвращения.

Я заслужила эту плаху. Не за предательство империи, которого не совершала, а за то, что позволила им сделать себя оружием, инструментом и ступенькой к трону. За то, что Дэйрон мертв, а империя в руках негодяев.

Мне действительно уже все равно, как закончится моя жизнь. Пусть уже поскорее.

Но все равно мне было до той секунды, пока этот безликий шум толпы не прорезал отчаянный, надрывный детский крик.

— Лея! Элея! Нет!

Мое сердце, казалось, остановилось, а потом сжалось в судорожном, болезненном спазме. Этот голос я узнала бы из тысячи.

Я испуганно, резко обернулась, забыв о палаче и приговоре. Не понимая. Не веря. Зачем его пустили сюда? Кто посмел привести ребенка на казнь его сестры?

В первых рядах толпы, прямо у самого эшафота, рвался из рук стражников Роэлз. Мой младший брат. Его лицо было мокрым от слез и красным от крика, одежда в беспорядке. Он тянул ко мне свои худые руки, и в его глазах было столько первобытного ужаса, что у меня перехватило дыхание.

— Роэлз... — прохрипела я.

Глэй крепко держал его за плечи. Мой отец. Он хмуро смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли жалости — лишь брезгливость и раздражение. Он словно хотел сказать: «Даже умирая, ты умудряешься позорить наш род».

А рядом с ним стояли Виллария и Мардин. Мать и дочь. Мачеха и сестра.

На их лицах не было слез. На меня смотрели две женщины в роскошных платьях, с безупречными прическами и... с улыбками абсолютного, сияющего торжества на губах.

И я стояла перед ними в этом красном платье...

Я знала, что Мардин выйдет замуж за нового императора.

Моего мужа.

Того, кто взошел на престол по трупам своего отца и его Тени. Мардин сама, захлебываясь от восторга, рассказывала мне об этом в темнице всего пару часов назад.

«Он всегда любил только меня, Элея, — шептала она тогда, разглядывая меня через решетку. — А ты была лишь ступенькой. Уродливой, грязной ступенькой к нашей власти».

Тогда я слушала ее отупело, погруженная в свое горе. Но сейчас, глядя на то, где она стоит — рядом с моим отцом, братом и мачехой, на почетном месте, в окружении гвардейцев, — пелена с моих глаз спала.

Будь она простой любовницей, пустили бы ее ко мне в темницу? Позволили бы сейчас стоять так близко к эшафоту? Нет. Двор уже безмолвно признал ее. Глэй продал меня наследному принцу, но тот предпочел Мардин, и отец с радостью согласился на эту замену, как только я стала не нужна. Теперь я знала, что с самого начала был заговор.

В моем сердце было так много горя, что я думала, места для других чувств там больше нет. Но я ошиблась. Только сейчас, глядя в торжествующие глаза сестры и мачехи, в равнодушные глаза отца, удерживающего моего рыдающего брата, я поняла, что ненавижу их.

Ненавижу всей той пустотой, что осталась во мне. Взрывной, испепеляющей ненавистью, которая оказалась сильнее страха смерти.

Глашатай умолк. Наступила тишина, прерываемая всхлипами Роэлза.

С другой стороны помоста раздался голос. Ледяной, властный, до боли знакомый голос нового императора.

— Приговор утвержден. Смерть убийце!

Толпа взревела в едином порыве, поддерживая своего правителя. Этот рев заглушил последний, отчаянный вой Роэлза, которого Глэй силой удерживал на месте.

Мое сердце сжалось так сильно, что мне стало физически больно. Я не хотела, чтобы он это видел. Я не хотела, чтобы это стало его последним воспоминанием о единственном человеке, который его любил.

Тяжелая рука палача легла мне на шею. Грубо, бесцеремонно он толкнул меня вперед, заставляя уложить голову на плаху. Яркий шелк, в котором меня выставили на посмешище, прижался к шершавому дереву. Холодный ветер затих, сменившись запахом крови.

Я закрыла глаза, изо всех сил стараясь отгородиться от рева толпы, прислушиваясь к рыданиям младшего брата. И по моим испещренным шрамами щекам покатились слезы.

Горячие. Злые. Слезы ненависти и бессильного сожаления.

Я слышала вдох палача перед тем, как он поднял топор.

И последней мыслью, прежде чем мир взорвался болью, была не молитва о прощении, а яростный, безмолвный крик:

«Будь у меня вторая попытка... хотя бы один шанс всё исправить... богом клянусь, вы все пожалели бы, что вообще родились на этот свет!»

Треск позвонков, удар головой о пол... и мой угасающий взгляд направлен на высокого светловолосого мужчину, равнодушно взирающего на то, что от меня осталось.

Будь ты проклят, Лифас!

Глава 1

Тьма разорвалась на части от моего собственного судорожного, отчаянного вдоха.

Я резко села, хватая ртом воздух, словно утопающая, которую только что выбросило на берег. Руки инстинктивно вцепились в горло, ожидая нащупать рваную рану, липкую горячую кровь или что там может нащепать мертвец после отсечения головы. Но под дрожащими пальцами оказалась лишь гладкая кожа.

Громкий, безумный стук собственного сердца отдавался в ушах. Я лихорадочным взглядом уставилась перед собой.

Знакомые очертания комнаты выплывали из утреннего полумрака: тяжёлый балдахин над кроватью, дубовый шкаф, потемневший от времени, узкое стрельчатое окно, сквозь которое сочился серый рассвет. На подоконнике — забытый букетик засушенной лаванды, рядом лежал оплывший огарок свечи в медном подсвечнике. У стены, на сундуке, обитом потёртой кожей, лежало сложенное покрывало, вышитое мелкими незабудками — мамина работа, которую я помнила с детства. Пахло воском, сухим деревом и чуть-чуть розмарином из пучка трав, подвешенного у притолоки.

Моя старая спальня в поместье отца.

Этого не могло быть.

Я медленно, боясь поверить собственным ощущениям, опустила взгляд на свои руки. Обескураженная, я переворачивала ладони то вверх, то вниз. Чистые. Бледные, с аккуратными ногтями. На них не было ни въевшейся грязи тюремной камеры, ни кровавых мозолей, ни тонких шрамов от кандалов. Это были руки аристократки, не знавшей настоящих лишений.

Откинув тяжелое одеяло, я спустила босые ноги на пушистый ковер. Меня шатнуло, но я устояла. Шаг. Еще один.

Я подошла к высокому напольному зеркалу, стоявшему в углу, и замерла. Оттуда на меня смотрела девушка. Прежняя я. Светлые, почти белые, волосы разметались по плечам, кожа светилась юностью, а на щеках играл легкий румянец после сна. Я потянулась к лицу, кончиками пальцев ощущая скулы, лоб, подбородок. Никаких уродливых, багровых борозд. Никаких шрамов, превративших меня в чудовище на потеху двору.

Значит, «несчастный случай», подстроенный Мардин, еще не произошел. Я вернулась. Вернулась в то время, когда даже разговоры о моей помолвке с принцем были лишь отцовскими грезами.

Мне отчаянно хотелось верить, что всё случившееся было лишь кошмарным сном. Иллюзией больного разума.

Я потеряла шею, и меня передернуло от фантомного ужаса. Я помнила обжигающий холод тяжелого металла на коже. Помнила омерзительный хруст собственных позвонков за долю секунды до того, как вспышка невыносимой боли погасила сознание. Я помнила лицо Лифаса.

Мой муж.

В тот миг, когда моя голова катилась по эшафоту, Лифас смотрел на меня сверху вниз со скучающим презрением, словно я была не человеком, а надоедливym насекомым, которое наконец-то прихлопнули.

Я сжала челюсти так крепко, что зубы скрипнули, и резко, прерывисто выдохнула.

Щелчок дверного замка заставил меня вздрогнуть. Дверь открылась без стука — привычная наглость, которую в этом доме позволяли только одному человеку из прислуги.

В спальню, тяжело ступая, вошла Азура. В руках она несла таз с водой для умывания. Грузная, с вечно недовольным лицом и тяжелым, колючим взглядом. Моя личная служанка, а на деле — цепная собака и надзирательница, приставленная Вилларией.

— Вы уже на ногах, леди Элея, — глухо произнесла она, со стуком опустив медный таз на столик.

И произнесла она это тоном, в котором не было ни грамма уважения.

Раньше я съеживалась от ее присутствия. Азура была молчаливой, но замечала каждую мелочь, каждый мой вздох или брошенный в окно взгляд, чтобы потом в точности доложить об этом мачехе.

Я ненавидела ее. Несколько раз я умоляла отца и Вилларию заменить прислугу, но мачеха всегда лишь снисходительно отмахивалась, попивая чай: *«Не выдумывай, Элея. Азура очень хорошая, исполнительная женщина. У меня сейчас совершенно нет времени и возможностей искать тебе другую»*.

В прошлой жизни я терпела. Отводила взгляд, старалась быть незаметной в собственной комнате.

Но сейчас, глядя на ее широкую спину, я не чувствовала привычной робости.

Азура повернулась ко мне, собираясь небрежно бросить полотенце, но вдруг замерла. Она встретилась со мной взглядом — и полотенце медленно выскользнуло из ее толстых пальцев, упав на пол.

Она не знала, что видит перед собой мертвеца. Женщину, которая прошла через темницы, предательство, потерю ребенка и собственную казнь. Но она, как животное, почувствовала это. Наверное, а моих глазах больше не было испуганной, забитой девочки, за которой ей поручили шпионить.

Мне кажется, теперь там поселилась пустота.

Я не отвела взгляд. Не произнесла ни слова. Просто смотрела на нее в зеркало, чувствуя, как внутри разгорается черное, спокойное пламя.

Они поплутаются. Все до единого. За каждую слезинку Роэлза. За кровь Дэйрона. За мою сломанную жизнь. Глэй, Виллария, Мардин, Лифас... В этой жизни я не буду жертвой. Я стану их персональным палачом.

Азура попятилась, не выдержав моего взгляда. Она молча подняла с пола полотенце, положила его на край столика и поспешно вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Оставшись одна, я прикрыла глаза и медленно, протяжно выдохнула, стараясь унять дрожь в руках.

Комната пахла остывшей за ночь печной золой и щелочным мылом из таза. Утренний свет падал из окна прямой, четкой прямоугольной полосой, разрезая доски пола пополам и высвечивая кружащуюся в воздухе пыль.

Я заставила свой разум работать. Ярость — плохой советчик. Если я прямо сейчас спущусь вниз и брошу им в лицо обвинения, меня просто сочтут сумасшедшей. Глэй запрет меня в комнате, а Виллария не упустит случая применить свое внушение, чтобы сделать меня покорной марионеткой еще раньше, чем в прошлой жизни. Если я хочу, чтобы всё шло по моему плану, если я хочу уничтожить их наверняка, мне нужно следовать событиям прошлого. Вмешиваться аккуратно, незаметно, пока это возможно.

Я должна снова стать той забитой, кроткой девочкой, которой они привыкли меня видеть. Стать их удобной тенью. До поры до времени.

Я подошла к тазу, зачерпнула ледяную воду ладонями и плеснула в лицо. Холод окончательно прояснил мысли. Быстро умывшись, я надела простое, закрытое платье из темной шерсти, тщательно расчесала волосы и направилась вниз.

Столовая встретила меня теплом и запахами жареного мяса, свежего хлеба и травяного чая. Яркий утренний свет заливал длинный стол через высокие окна, падая прямо на хрустальные кубки и столовое серебро.

Они уже были там. Все четверо.

Во главе стола сидел Глэй. Его рыжие, начавшие редеть волосы блестели от помады, а на жестком лице застыло привычное выражение недовольства. По правую руку от него располагалась Виллария. Светловолосая, с идеальной, гладкой прической, она выглядела воплощением аристократичного спокойствия. Напротив нее сидела Мардин — такая же огненно-рыжая, как и Глэй. В прошлой жизни я была слишком слепа, чтобы понять, о чем кричит это сходство. И, наконец, на самом краю стола, тихо ковыряясь вилкой в тарелке, сидел Роэлз. Его рыжая макушка едва виднелась из-за высокой спинки стула.

Увидев брата, я забыла о своих планах быть незаметной тенью. Горло сдавило судорогой.

Я не пошла к своему месту. Быстрым шагом я приблизилась к Роэлзу, опустилась рядом с ним на колени и просто схватила его в охапку. Я обняла его так крепко, что зажмурилась до красных кругов перед глазами. Он пах теплым молоком и чистой шерстью. Он дышал. Он был живой.

Роэлз замер от неожиданности, а потом его маленькие руки неуверенно легли мне на спину, и он радостно засопел мне в шею.

— Что за неподобающее поведение с утра?! — тут же раздался возмущенный, резкий голос Глэя. Звон брошенной на тарелку вилки резанул по ушам.

— Элея, отпусти брата. Ты помнешь ему воротник и испачкаешь свое платье, — холодно сделала замечание Виллария, даже не повернув головы в мою сторону.

Со стороны Мардин послышалось тихое, довольное хихиканье. Она отпила чай, наслаждаясь тем, что утро началось с моей выволочки. Всё было как всегда.

Я сделала глубокий вдох, заталкивая свои настоящие чувства глубоко внутрь. Отстранилась от улыбающегося Роэлза, ласково растрепала его рыжую макушку и послушно поднялась.

— Доброе утро, отец. Доброе утро, Виллария. Мардин, — я опустила взгляд в пол, напуская на себя привычный, виноватый вид, и тихо села на свое место рядом с братом.

— Что на тебя нашло? — Виллария смерила меня долгим, подозрительным взглядом своих светлых глаз.

— Простите, — мой голос дрогнул, и на этот раз мне даже не пришлось притворяться. — Мне приснился очень дурной сон.

Виллария презрительно поджала губы, теряя ко мне всякий интерес. Чужие страхи ее не волновали. Она плавно повернулась к мужу.

— Глэй, дорогой, на следующей неделе в столицу прибывают торговцы с новыми тканями, — ее голос стал мягким и воркующим. — Я хочу отправить прислугу с поручением, чтобы она закупила лучшие шелка. Нам нужно начать шить платье для Мардин. Ее совершеннолетие должно пройти безупречно.

Совершеннолетие.

Я замерла, уставившись в свою пустую тарелку.

Моя память услужливо подбросила мне картинку из прошлого. Огромный зал нашего поместья. Мардин стоит в центре в пышном, невероятно дорогом платье, расшитом золотой нитью, и выглядит как настоящая принцесса.

А затем эта картинка смазалась, сменившись другим воспоминанием. Мутным, тяжелым, словно я смотрела на мир сквозь толщу воды. Голова кружилась от чужого внушения. Я вспомнила, как стояла перед гостями. Вспомнила свой собственный, но чужой голос: *«В знак сестринской любви, я передаю это моей дорогой Мардин...»*. И пухлая папка с документами, лежащая в жадные руки мачехи.

Несколько крупных аптечных лавок в столице и элитный салон парфюма. Приданное моей матери. Активы Клэйборнов, приносившие огромный доход, которые в тот день были законно переписаны на Мардин, оставив меня абсолютно нищей.

— Кстати, отец. Мне уже исполнилось восемнадцать, — сказала я ровным тоном, подняла вилку и наколола на нее кусочек мясного рулета, чтобы переложить себе на тарелку. А затем подняла глаза, — но я до сих пор не видела бумаг на торговые лавки моей матери.

Над столом повисла тяжелая, густая тишина. Роэлз перестал болтать ногами и испуганно вжал голову в плечи.

По шее Глэя снизу вверх быстро поползли некрасивые багровые пятна. Он с силой оперся ладонями о край стола, подавшись вперед.

— Что ты сейчас сказала? — прорычал отец, и в его голосе зазвучала с трудом сдерживаемая ярость. — Бумаги? Сама ты с этим не справишься, Элея! Лавки требуют жесткого контроля, а не девичьих фантазий. Я управляю и буду управлять приданным твоей матери, пока не найду тебе достойного мужа!

В прошлой жизни от такого тона я бы съежилась и пробормотала извинения, испугавшись его гнева. Но сейчас я смотрела на него абсолютно спокойно, не отводя взгляда.

— Ни один достойный муж не оценит жену, которая совершенно не имеет навыков управления, отец, — ровным, лишенным эмоций голосом ответила я. — Разве я не права? В высшем обществе принято, что дочерей обучают ведению счетов и управлению имуществом с самой юности. У меня же таких уроков никогда не было. Это выглядит... странно.

Лицо Глэя потемнело еще сильнее. Он открыл рот, чтобы сорваться на крик, но его опередил звонкий, насмешливый голос Мардин.

— О каком управлении ты вообще говоришь, Лея? — сестра фыркнула, откинувшись на спинку стула. — Ты же спускаешь все свои карманные деньги на ленты, побрякушки и сладости. Дай тебе в руки лавки, и ты разоришь их за месяц ради нового кружева!

Я медленно перевела взгляд на сестру. Она ухмылялась, довольная своей удачной колкостью.

В чем-то она была права. В той жизни я действительно тратила всё до последней монеты на магазины, платья и украшения. Но чья это была вина? Я всегда с отчаянным теплом относилась к Мардин, стараясь заслужить любовь хоть кого-то в этом доме. А она с превеликим удовольствием этим пользовалась. Именно Мардин часами убалтывала меня купить ей вон то дорогое кольцо или оплатить счет у лучшей портнихи столицы, капризно надувая губы. Я покупала их ей. А она потом выставляла меня перед отцом легкомысленной транжирой.

— Элея, милая, — мягко, но настойчиво вмешалась Виллария, перебивая готового взорваться мужа.

Она грациозно промокнула губы салфеткой. Ее светлые глаза смотрели на меня с холодной расчетливостью. Она понимала, что крик Глэя может спровоцировать меня на дальнейший бунт, и решила действовать тоньше.

— Твой отец прав, а ты просто не понимаешь своей выгоды. У тебя действительно нет к этому ни малейшего таланта, — воркующим тоном произнесла мачеха. — Ты рассеянна и не любишь цифры. Поэтому мы с отцом и не обременяли тебя скучными уроками. Да и зачем тебе это? Ты — единственная внучка Диваля Клэйборна. С таким происхождением ты была бы самой желанной невестой в Империи, даже не имея своей прекрасной внешности. Тебе не нужно ничего доказывать цифрами.

В тишине столовой отчетливо раздался противный скрежет.

Это Мардин скрипнула зубами. Я краем глаза заметила, как ее пальцы до побеления вцепились в край чайной чашки.

Рыжая, с россыпью бледных веснушек на носу, она всегда до одури завидовала мне. Она сама с насмешкой призналась мне в этом в сырой темнице перед моей казнью. Завидовала тому, что я пошла породой не в отца, а в мать.

Мои гладкие, почти белые волосы, алебастровая кожа, которая никогда не загорала на солнце, и холодные, прозрачно-голубые глаза считались в столице редкой, пугающей диковин-

кой. И во всем была виновата почившая жена моего деда — Селия Клэйборн. В девичестве она носила фамилию Драглар. Этот древний и закрытый род вел свою кровь от белых драконов, канувших влету. Бабушка передала эту нечеловеческую, холодную красоту своей дочери Элвери, а от нее она досталась мне.

Виллария ударила в самую больную точку своей же родной дочери, даже не заметив этого. Я отвернулась к окну. Солнечный свет скользнул по моей руке, осветив тонкую кожу.

Мачеха была права. Я действительно была самой завидной невестой. Идеальная родовая Клэйборнов, гарантирующая поддержку военной элиты. Кровь белых драконов Драглар, дающая редкую, статусную красоту. И, как бонус, полное отсутствие воли и навыков управления, что делало меня удобной, послушной куклой.

Именно поэтому я и пострадала в кровавых дрязгах Лифаса. Ему не нужна была жена. Ему нужен был племенной сосуд с древней кровью и ключ к армии моего деда. А когда Мардин изуродовала мое лицо, Лифас лишь обрадовался — это сделало меня еще более жалкой и зависимой в его глазах, добавив ему ореол мученика в глазах народа.

Я посмотрела на свои лежащие на коленях руки и позволила себе слабую, покорную улыбку.

— Вы правы, мама, — тихо ответила я, возвращая себе маску кроткой дурочки. — Я, наверное, просто наслушалась вчерашних сплетен служанок о приданом соседских дочерей. Не берите в голову. Отец, конечно, лучше знает, как распорядиться лавками.

Глэй шумно выдохнул, краска начала сходить с его шеи. Он самодовольно хмыкнул, уверенный, что снова легко поставил меня на место.

Виллария победно улыбнулась и потянулась к кофейнику. Мардин расслабила пальцы, торжествуя глядя на мое «поражение».

— Милый, пока еще не было новостей об удочерении Мардин? Я бы хотела, чтобы это произошло до ее совершеннолетия, иначе у нее будет мало шансов удачно выйти замуж с фамилией покойного Волгри.

Точно. Я совсем забыла про эту пощечину от родного отца.

Удочерение означало, что Мардин официально получит фамилию Дэбрандэ.

Глэй собирался на бумаге уравнивать дочь безвестного Волгри со мной — единственной законной наследницей крови Клэйборн и Драглар.

Это давало ей статус, равные права в нашем доме и навсегда стирало клеймо приживалки. Для высшего света такой поступок был бы открытым плевок на могилу моей матери. А для самой Мардин этот статус становился идеальным юридическим плацдармом, чтобы на законных основаниях принять в дар мое приданное.

Я молча отпила остывший чай, пряча за опущенными ресницами ледяную ярость.

Глава 2

Завтрак тянулся ещё минут двадцать. Глэй допил чай, промокнул усы салфеткой и поднялся первым, бросив Вилларии что-то про объезд южных угодий и управляющего, которого давно пора выгнать.

Хлопнула входная дверь, во дворе заржала лошадь, и стук копыт быстро растворился.

Виллария тут же переключилась на Роэлза. Цепко взяла его за руку, а он даже сжаться толком не успел, и повела в комнату для занятий, на ходу выговаривая ему за то, что он опять ковырял еду вместо того, чтобы есть. Его рыжая макушка мелькнула в дверном проёме, и я заставила себя отвернуться.

Мардин поднялась последней, лениво потянувшись, как кошка после сытного обеда. Окинула меня скольльзящим, оценивающим взглядом, будто прикидывала, стоит ли сказать ещё какую-нибудь гадость, решила, что силы тратить незачем, и ушла к себе, покачивая бёдрами по пустому коридору.

Я тоже поднялась к себе. Шла медленно, по привычке опустив голову. На лестнице разминулась с Азурой, та окатила меня привычным тяжёлым взглядом, я в ответ чуть ссутулилась и прибавила шаг, как делала это тысячу раз.

Дождавшись, пока шаги Азуры стихнут за поворотом коридора, я заперла дверь на щеколду и привалилась к ней спиной.

Итак. Деньги.

Без них я ровно то же, чем была в прошлой жизни, послушная кукла с родословной вместо позвоночника. А мне нужны верная служанка и юрист, которые умеют держать язык за зубами.

Карманных денег у меня осталось... Я отыскала свой кошель на туалетном столике и пересчитала. Семь серебряных империалов и горсть медяков. На эту сумму мало что можно сделать, и точно не нанять нужных людей.

В прошлой жизни я спустила целое состояние на кружева, ленты и шелка, которые Мардин с таким удовольствием помогала мне выбирать. «Ой, Лея, ну посмотри, какая прелесть, тебе же так идёт!» И я покупала. Себе, ей, снова себе. А потом отец качал головой за ужином, цедя сквозь зубы что-то про мотовство и дурную кровь, хотя отродясь не видела, чтобы мама проматывала его деньги.

Красивая схема, если подумать. Мардин тратила мои деньги моими же руками, а я даже благодарила за компанию.

Я отлепилась от двери и подошла к туалетному столику. Верхний ящик поддался со знакомым скрипом. Внутри лежала шкатулка тёмного дерева, обитая потёртым бархатом, мамина. Я помнила её с тех времён, когда едва доставала макушкой до края стола, и мать, смеясь, поднимала меня на руки, чтобы я могла заглянуть внутрь.

Открыла.

На дне сиротливо лежали серебряная цепочка с крошечной подвеской в форме ландыша и пара серёг с мутноватыми аваинами, цвета лазурного озера Эстеваль. Всё остальное, кольца с сапфирами, жемчужное кольцо, золотой браслет с гравировкой, я подарила Мардин. Сама. По доброй воле. Потому что она так мило просила, а я так отчаянно хотела, чтобы хоть кто-то в этом доме смотрел на меня с теплотой.

Идиотка.

Я сжала цепочку в кулаке и закрыла глаза. Металл быстро нагрелся от ладони. Мама носила этот ландыш каждый день. Я помнила, как он покачивался у неё на груди, когда она наклонялась надо мной перед сном.

Продать его было бы... правильно. Разумно. Мёртвым всё равно, а живым нужны деньги.

Я разжала пальцы и посмотрела на подвеску. Крошечный серебряный цветок с тремя колокольчиками, каждый размером с рисовое зерно. Ювелирная работа тонкая, но серебро есть серебро. За него дадут от силы полтора империала.

Серьги лучше. Аваины, огранка старомодная, но камень есть камень. Империалов десять, если настоять на цене.

Двенадцать империалов. На юриста хватит. На остальные задумки нужно найти еще...

Я опустилась на колени перед кроватью и, вытянув руку, нащупала под матрасом тайник, о котором вспомнила. В девять лет я выпорола шов на нижней стороне матраса и спрятала туда записку от...

«Уходи, Лея...»

Сердце споткнулась, я зажмурилась и втянула в легкие воздух сквозь сжатые зубы.

Я ведь совсем забыла об этом.

Пальцы нащупали клочок бумаги, я достала его, но он раскрошился у меня в руке. Я уже даже не помню, что там было написано.

Поднялась на ноги и с тяжелым сердцем снова осмотрела комнату. Сундук с вышитым покрывалом, мамина работа. Трогать его я отказывалась даже мысленно. Медный подсвечник на подоконнике, копейки. Засушенная лаванда, ценность исключительно сентиментальная.

Зато в шкафу, за стопкой зимних платьев, обнаружилась вещь, о которой я забыла напрочь: небольшая брошь в виде стрекозы. Золото, эмаль, два крохотных изумруда вместо глаз. Бабушкина. Я спрятала её туда лет в пятнадцать, когда Мардин начала всё чаще «заглядывать» в мою шкатулку с комплиментами на языке и загребущими руками наготове.

Тогда я подумала, что прячу для нее подарок на какой-нибудь особый случай. Сейчас я подумала, что пятнадцатилетняя я была одновременно круглой душой и неосознанным гением.

Стрекоза стоила дорого. Золото, камни, работа старого мастера. Империалов сорок, если торговаться. Пятьдесят, если скупщик разбирается в антиквариате и у него хватит совести заплатить честно. Хотя, совестливый скупщик в нижнем квартале — звучит как плохой анекдот. Но теперь я умею торговаться. Ведь каждый день во дворце был своего рода торгом с Лифасом.

Я завернула брошь и серьги в носовой платок, спрятала свёрток в тайник под матрасом. Цепочку с ландышем повертела в пальцах, потом медленно застегнула на шее. Холодное серебро легло точно в ямку между ключиц.

Её я оставлю себе.

Теперь вопрос, как выбраться из поместья. Азура следит за каждым моим шагом. В город меня одну отпускают, только если Виллария в настроении, а она в настроении примерно так же часто, как идёт снег в середине лета.

Но через три дня, если моя память о прошлой жизни верна, Мардин потащит меня на ярмарку в нижнем квартале. В той жизни она вытянула из меня деньги на развлечения. В этой она сама станет моим прикрытием.

Я села на край кровати, сложила руки на коленях и позволила себе улыбнуться. Губы слушались с трудом, будто мышцы отвыкли от этого движения.

Шестьдесят империалов. Примерно столько будет у меня через неделю, если всё пойдёт по плану. Смешная сумма для дочери рода Дэбрандэ. Смешная, но достаточная, чтобы начать менять свою жизнь к лучшему.

Снизу донёсся голос Мардин, она звала прислугу тем капризным, гнусавым тоном, от которого у горничных дёргался глаз.

Я убрала улыбку, расправила складки на платье и выпрямила спину. В зеркале напротив отражалась бледная, тихая девушка с опущенными плечами и кроткими глазами.

Прекрасно. Именно так и должно быть.

Потом я вспомнила про Астру.

Мамин подарок на моё десятилетие — серая в яблоках кобыла с привычкой искать в карманах сухари. Последний подарок.

В прошлой жизни Астру зарезали накануне совершеннолетия Мардин. Сестре взбрело в голову покататься на ней, она сунулась в денник с хлыстом, и кобыла закономерно цапнула её за руку. Рана была пустяковой, но Мардин визжала так, будто ей откусили руку по локоть. К вечеру Виллария отдала приказ. Я рыдала двое суток, пока отец не велел мне «заткнуться и вести себя достойно».

А сейчас Астра жива. И от этой мысли у меня снова перехватило дыхание.

Я быстро сменила платье на старую юбку для верховой езды и льняную блузу, волосы стянула в тугий узел. В коридоре было пусто — Азура ещё не вернулась. Выскользнув через боковую дверь, я привычным маршрутом побежала через яблоневый сад.

Конюшня встретила меня густым, лучшим на свете запахом сена и лошадиного пота. Старый конюх Бертам, дремавший у входа на перевёрнутом ведре, вскинулся:

— Леди Элея?

— Я хочу проехаться на Астре. Сама оседлаю, отдыхай. Если спросят — скажи, что поехала вдоль ручья.

Спорить с хозяйской дочерью он не стал и с облегчением осел обратно.

Астра стояла в крайнем деннике. Увидев меня, она подняла голову и потянулась тёплым бархатным носом к моей ладони. Я уткнулась лбом в её шею, вдыхая сладковатый запах шерсти, и закрыла глаза. Под щекой ровно билась жилка.

— Ты жива, моя хорошая. Жива.

Она фыркнула мне в волосы. Я тихо, хрипло рассмеялась.

Руки сами накинули уздечку и затянули подпругу, хотя я не седлала лошадь уже долгие годы.

За воротами я пустила её рысью, а скрывшись за холмом, перешла на галоп. Ветер ударил в лицо, выбивая слёзы. Мир сузился до стука копыт и мерного дыхания подо мной. Впервые за две жизни мне стало просто физически хорошо. Хотелось орать в пустое небо от пьянящего чувства свободы.

Ручей, разделявший наши земли и угодья виконта Морвана, показался через четверть часа. Мутный от весенних дождей, он бурлил в ложбине, где на нашем берегу до сих пор торчали остатки детского шалаша. Три кривые жерди, привязанные к старой иве. Наша с Кассией «суверенная территория».

Кассия Морван. Моя бывшая лучшая подруга. Человек, которого я вычеркнула из своей жизни из-за чужих интриг и собственной трусости. В груди заворочался тяжелый стыд. В детстве Виллария заставляла меня писать пустые, холодные ответы на её полные участия письма. Наша дружба умерла тихо, нас просто развело в стороны.

Я натянула поводья, заставляя Астру перейти на шаг. Взгляд скользнул по прибрежной траве и зацепился за что-то необычное.

Прямо у кромки воды, среди привычного бурьяна, росли цветы, которых я раньше здесь никогда не видела. Плотные, мясистые стебли, усыпанные мелкими, мертвенно-бледными соцветиями, похожими на крошечные колокольчики. Странно. Я знала этот ручей вдоль и поперёк, и эти бледные пятна определенно были новинкой. Хотя, когда я была здесь в последний раз? Лет в пятнадцать?

Я подняла глаза и посмотрела на ту сторону, земли Морванов. Там, на залитом солнцем лугу, этих цветов было гораздо больше — они тянулись сплошной, едва заметной сероватой полосой вдоль берега.

Любопытство пересилило. Я соскочила с седла, бросив поводья на траву, и подошла к воде. Сорвала одно соцветие. Растение оказалось удивительно сочным, стебель легко переломился, брызнув прозрачным соком. Я поднесла цветок к лицу.

Аромат оказался удивительно нежным и тонким. Едва уловимый, обволакивающий, по-настоящему женственный, с легкой, свежей ноткой прохлады и чистой весенней сладости. Он совершенно не был похож на тяжелые, душные запахи столичных оранжерей. В ботанике я не разбиралась, поэтому имя этого крошечного пришельца осталось для меня загадкой.

Просто отметив про себя его необычное, завораживающее благоухание, я поддалась глупому порыву из прошлой, мирной жизни и заложила бледный колокольчик за ухо. Тонкий аромат тут же окутал меня невидимой вуалью.

Вернувшись к Астре, я погладила её по мокрой от пота шее.

— Домой, девочка. У нас ещё много дел.

Я села в седло и развернула кобылу.

Обратный путь занял меньше времени. Ветер стих, и теперь тонкий, сладковатый аромат цветка сопровождал меня всю дорогу, странным образом успокаивая расшатанные нервы.

Поместье Дэбрандэ выросло на горизонте серым каменным пятном. Раньше оно казалось мне тюрьмой, а теперь полем боя.

Бертам ждал во дворе, переминаясь с ноги на ногу. Он принял у меня поводья, бросив удивленный взгляд на растрепанные волосы и бледный колокольчик за ухом.

— Отличная поездка, леди Элея? — пробормотал он.

— Бертам, послушай меня внимательно, — я стянула перчатки и посмотрела старому конюху прямо в глаза, понизив голос. — Астра сегодня нервная. Кажется, съела что-то не то на выпасе.

Конюх нахмурился, потянувшись к морде лошади:

— Захворала? Да вроде не мылится, ноздри чистые...

— Я сказала, она не в себе, — с нажимом повторила я, чеканя каждое слово. — Встает на дыбы и кусается. Если кто-то, кто угодно — особенно леди Мардин — решит подойти к её деннику, ты скажешь, что лошадь опасна. Что она может покалечить. Понял меня? Если с головы моей сестры упадет хоть волос по вине моей кобылы, отец спустит с тебя шкуру, а леди Виллария убьет Астру.

Бертам сглотнул и торопливо закивал. Угроза гнева Глэя работала на прислугу безотказно, а страх за подопечную только усиливал эффект.

— Не пушу, леди Элея. Скажу, что кобыла сдурела, близко не подпущу.

— Вот и славно.

Я развернулась и пошла к дому. Идеально. Прямо запретить сестре трогать мои вещи я пока не могла, но теперь Бертам сам ляжет костями у дверей конюшни, спасая свою шею и защищая мою кобылу.

В холле было прохладно и тихо. Я почти добралась до лестницы, когда из малой гостиной выплыла Мардин.

Она уже успела переодеться в домашнее платье небесно-голубого цвета, которое невероятно шло к её рыжим волосам. В руках она крутила шелковую ленту.

— Лея? — Мардин брезгливо сморщила нос, оглядывая мои заляпанные грязью сапоги и растрепанную прическу. — Ты пахнешь конюшной. И что это за бледный сорняк у тебя в волосах?

Я заставила свои плечи привычно поникнуть и виновато опустила глаза.

— Прости, Мардин. Я ездила к ручью. Просто захотелось подышать воздухом.

Она фыркнула, подходя ближе.

— Могла бы подышать им в саду. Знаешь, я как раз думала тоже проехаться. Моя лошадь захромала, так что я возьму твою серую.

Я судорожно вздохнула, изображая неподдельный испуг.

— Ох, Мардин, лучше не стоит! — я округлила глаза и подалась вперед. — Астра сегодня совершенно неуправляемая. Она чуть не сбросила меня у ручья, а потом пыталась укусить

конюха. Бертам говорит, у нее весеннее бешенство. Я так испугалась! Представь, если она взбрыкнет и ты упадешь? Твое прекрасное лицо... а ведь до твоего совершеннолетия всего ничего.

Она инстинктивно поднесла руку к щеке, её глаза сузились. Для Мардин её внешность была религией. Рисковать лицом ради мимолетного каприза, когда на кону стояли балы и внимание кавалеров, она бы ни за что не стала.

— Бесплезная тварь, — зло выплюнула сестра, теряя к затее всякий интерес. — Скажи отцу, пусть продаст эту клячу мясникам. Только сено переводит.

— Обязательно скажу, — кротко согласилась я, пряча за опущенными ресницами холодную усмешку. — Пойду переоденусь.

Я обогнула её и стала подниматься по ступеням, физически ощущая, как тонкий аромат цветка перебивает тяжелый запах мачехиных духов, шлейфом тянувшийся за сестрой.

Оставшееся до обеда время я посвятила своему гардеробу. Заперла дверь, осторожно положила бледный цветок между страниц толстой книги на столе и открыла шкаф.

Я вытаскивала платья одно за другим и безжалостно бросала их на кровать. Рюши, многослойные оборки, нелепые банты, кричащие, режущие глаз цвета. Гардероб послушной идиотки. Я перебирала эти дорогие тряпки, которые Мардин так заботливо помогала мне выбирать, и кривилась. Из всего этого вороха я отложила в сторону лишь несколько самых простых, темных и закрытых нарядов. Остальное можно было смело пускать на половые тряпки. Мне нужна будет новая одежда. Удобная. Практичная. Такая, в которой можно ездить верхом и ходить по грязным улицам, не привлекая внимания.

Когда снизу раздался звон колокольчика, созывающего к обеду, я переоделась в строгое темно-серое платье и вышла из комнаты.

Но до столовой я так и не дошла. Снизу донеслись крики и грохот опрокинутой медной подставки для зонтов.

В парадном холле двое наших самых крепких лакеев пытались выкрутить руки высокому, страшно худому мужчине в грязной, рваной одежде. От него разило дешевым кислым пойлом так, что запах поднимался на второй этаж, но сопротивлялся он с неистовой силой.

— Пустите! Руки уберите, щенки! — хрипел мужчина, отчаянно упираясь сбитыми сапогами в мраморный пол. — Зови хозяина! Пусть спустится и посмотрит мне в глаза!

— Пошел вон, пьянь, — пыхтел один из лакеев, толкая его к выходу. — Барон велел гнать тебя в шею, если еще раз появишься.

— Барон?! Ваш барон — вор и лжец! — мужчина дернулся так резко, что едва не сбил лакея с ног. В его сорванном голосе звенело чистое, ничем не замутненное отчаяние. — Глэй! Ты слышишь меня, ублюдок?! Ты пятнадцать лет моей безупречной службы в грязь втоптал! Ты свои растраты на меня повесил! Моя жена... из-за тебя она на улице! Будь ты проклят, Глэй! Ты подавишься этим золотом! Дай мне только...

Тяжелый кулак второго лакея ударил его под дых, обрывая фразу. Мужчина согнулся пополам, захлебываясь кашлем.

Я остановилась на лестнице, скрытая полутенью колонны. Неподалеку у стены жались друг к другу две горничные, с любопытством и страхом наблюдая за сценой.

— Опять господин Риган явился, — ахнула одна из них, прикрывая рот ладонью. — Совсем умом тронулся от пьянства.

— Тише ты! — шикнула на нее вторая. — Услышат. И всё равно не верю я, что он у хозяина деньги крал. Он же честнейший человек был, каждую медную монету в дом нес. Если бы и правда проворовался, давно бы сбежал из столицы с деньгами. Разве стал бы он сюда заявляться в таких лохмотьях, рискуя каторгой?

Риган.

Я всмотрелась в лицо пьяницы, искаженное гневом и болью. Из-под слоя уличной грязи, глубоких морщин и спутанной седой бороды проступили знакомые черты. В глубоком детстве господин Риган казался мне самым добрым человеком в этом доме, не считая мамы. Он всегда приносил мне мятные леденцы, когда приходил с отчетами к отцу, и у него были такие же лучистые, теплые морщинки в уголках глаз, как у моего деда Диваля.

Лакеям наконец удалось подхватить обмякшего Ригана под руки и вышвырнуть его на крыльцо. Тяжелые дубовые двери с грохотом захлопнулись, отрезая его глухие стоны. В холле повисла тишина. Горничные тут же прыснули в разные стороны, делая вид, что усердно протирают пыль с перил.

Я смотрела на закрытую дверь, и внутреннего отторжения или безразличия к пьянице не было. Только холодное, кристально ясное понимание.

Передо мной стоял не вор. Передо мной стоял человек, которого мой отец сначала использовал, чтобы наладить свои дела, а потом выкинул на улицу, повесив на него свои собственные финансовые махинации. Риган досконально знал все грязные секреты моего отца и теперь ненавидел Глэя всем сердцем. Талантливый финансист, оказавшийся на самом дне.

Я сделала в голове аккуратную мысленную пометку. Как там говорят? Враг моего врага — мой друг. А несправедливо обвиненный, отчаявшийся и доведенный до края враг моего врага — это идеальное оружие.

Обед прошел в душной атмосфере.

Глэй сидел во главе стола, хмуро и с остервенением разрезая стейк, словно это был его личный враг. Виллария, как всегда безупречная, элегантно промокала губы салфеткой, попутно делая тихие, но жалиющие замечания Роэлзу.

— Выпрями спину, Роэлз. Наследник рода Дэбрандэ не должен горбиться над тарелкой, как сын простолюдина, — холодным тоном отчитывала она восьмилетнего мальчика, который тут же испуганно вытянулся в струнку, едва не подавившись.

К Мардин отношение было совершенно иным. Мачеха пододвинула к ней вазочку с лучшими засахаренными фруктами, ласково воркуя о том, как этот цвет гармонирует с ее глазами. Глэй, услышав это, отвлекся от мяса и тоже одобрительно хмыкнул, бросив на падчерицу взгляд, полный собственнической гордости. Я же для них была просто пустым местом.

Идеальный момент, чтобы бросить камень в это тихое болото и разбрызгать грязь вокруг.

Я дождалась, когда Глэй поднесет к губам стакан с водой, и, напустив на себя самое невинное и задумчивое выражение лица, тихо произнесла:

— Отец, а почему господин Риган так ужасно выглядит?

Глэй поперхнулся. Вода плеснула через край стакана. Он закашлялся, багровея на глазах. Виллария замерла, её светлые глаза опасно сузились.

— Что ты сказала? — прохрипел Глэй, вытирая подбородок. — Где ты видела эту мразь?

— В холле, перед обедом, — я невинно похлопала ресницами, старательно изображая глупую сентиментальность. — Его прогоняли лакеи. Он так кричал... Мне даже стало его жаль. Помню, в детстве он был таким опрятным, всегда приносил мне мятные леденцы, когда вы работали в кабинете. Разве он не уехал в столицу к родственникам?

Лицо отца пошло уродливыми красными пятнами, что и за завтраком. Он швырнул салфетку на стол с такой силой, что зазвенели приборы.

— Жаль?! Тебе жаль этого вора?! — взревел он, брызгая слюной. Роэлз вжал голову в плечи. — Этот человек обокрал нашу семью, Элея! Он подделывал счета и клал мое золото себе в карман! Если ты еще раз, хотя бы словом, упомянешь в этом доме имя этого пьяного ублюдка, я запру тебя в комнате на неделю! Ты меня поняла?!

— Д-да, отец. Простите, — я сутулилась, пряча лицо и позволяя голосу жалко дрогнуть. — Я просто не знала...

— Твоя наивность переходит всякие границы, Элея, — процедила Виллария, сверля меня взглядом. — Поменьше слушай, что кричат пьяницы на пороге, и побольше думай о своих манерах.

Мардин презрительно фыркнула, отправляя в рот засахаренную вишню.

А я смотрела в свою тарелку и едва сдерживала улыбку. Реакция Глэя была слишком бурной. Искренне обворованный человек злится иначе. Глэй же кричал от страха и уязвленного самолюбия — страха, что его махинации всплывут наружу.

Обед был безнадежно испорчен, аппетит отца улетучился, и он, рявкнув на слуг, умчался в свой кабинет. Я была полностью удовлетворена.

Сразу после этого тягостного застолья я перехватила Роэлза в коридоре.

— Ну что, сбежим? — шепнула я ему на ухо.

В глазах братишки тут же вспыхнул радостный, озорной огонек.

Мы выскользнули через заднюю дверь и побежали в яблоневый сад, подальше от тяжелых взглядов и строгих правил. Ветер к полудню усилился, и это было нам на руку. В руках Роэлз сжимал свою главную драгоценность — большого бумажного змея с длинным хвостом из разноцветных лоскутков, которого мы клеили вместе еще прошлой осенью.

— Лея, держи катушку! Сильнее! — звонко смеялся брат, путаясь в высокой траве. Его рыжие волосы разметались, щеки горели румянцем. Сейчас он выглядела как счастливый мальчишка, каким и должен быть любой ребенок.

В сердце кольнуло, когда я вспомнила, как прижимала своего искалеченного ядами кроху. Страхнула эти воспоминания и отогнала прочь. Я все исправлю. Все. И мой сын будет самым счастливым ребенком на свете.

Я отбежала на несколько шагов, отпуская нить, и змей, подхваченный порывом ветра, рванул в небо.

— Выше, Роэлз! Смотри, он сейчас до облаков достанет! — крикнула я, чувствуя, как искренняя, теплая улыбка сама собой растягивает губы.

— Я держу! Я сильный! — пыхтел Роэлз, вцепившись в дергающуюся катушку обеими руками. Он запрокинул голову, зачарованно глядя на трепещущий в небе ромб.

Мы бегали по саду, пока не выбились из сил. Роэлз, хохоча, споткнулся и повалился в траву. Я упала рядом с ним, тяжело дыша. Небо над нами было пронзительно синим, по нему плыли ленивые белые облака.

Брат перекатился на бок и прижался ко мне, уткнувшись носом в мое плечо. Я обняла его, перебирая пальцами жесткие рыжие вихры.

— Лея... — тихо протянул он, шмыгнув носом.

— М-м?

— А почему отец так кричал за обедом? Этот Риган правда плохой?

Я вздохнула, прижимая его к себе чуть крепче.

— Знаешь, Роэлз... Взрослые часто кричат потому, что сами боятся.

Он поднял голову и серьезно посмотрел на меня своими большими глазами.

— Я не хочу быть таким взрослым. И матушка сегодня опять ругалась... Говорит, я должен быть каменным, чтобы все меня слушались. А я не хочу быть каменным.

От его слов у меня заныло сердце. Виллария методично убивала в нем всё живое, лепя из родного сына бездушного управленца, который будет ее гарантом стабильного будущего.

— И не будь, — твердо сказала я, целуя его в макушку. — Будь живым. Смейся, когда смешно, и плачь, если больно. А если кто-то захочет сделать тебя каменным, прячься за меня. Договорились?

Роэлз просиял. Его детская непосредственность тут же взяла верх над грустными мыслями. Он поерзал, устраиваясь поудобнее, и вдруг забавно сморщил веснушчатый нос, прихихиваясь к моим волосам.

— Ого. А от тебя сегодня не пахнет, как обычно!

— Да? И чем же от меня пахнет? — усмехнулась я.

— Обычно от тебя пахнет... ну, грустью, — по-детски прямолинейно выдал он, даже не понимая, насколько точно описал мою прошлую жизнь. — И старыми книгами. А сейчас ты пахнешь как... как что-то очень-очень сладкое. И взгляд у тебя сегодня другой. Боевой!

Он рассмеялся и снова обнял меня, не требуя объяснений. Ему просто было хорошо рядом со мной.

Я смотрела в синее небо над яблонями, слушая мерное дыхание брата. Мой маленький Роэлз. В той жизни они использовали мою любовь к тебе, чтобы сковать меня по рукам и ногам. В этой жизни моя любовь к тебе станет броней, которую они не смогут пробить. Я сохраню твой смех, чего бы мне это ни стоило. Не позволю больше так горько плакать из-за меня.

Глава 3

Три дня тянулись медленно, но я заполнила каждый из них до краёв.

Утром первого дня я нашла в библиотеке отца старый свод имперских торговых уложений, пыльный, с надорванным корешком, явно открывавшийся в последний раз ещё при маме.

Читала его у себя в комнате, спрятав между страницами дамского романа на случай, если Азура сунет нос.

Язык оказался чудовищным, каждое предложение длиной в полстраницы, но к вечеру я худо-бедно разобралась в том, как устроены права наследования имущества по материнской линии.

Если коротко: Глэй распоряжался лавками матери на правах опекуна, но с момента моего совершеннолетия это право утрачивало силу. Он просто рассчитывал, что я об этом никогда не узнаю. И в прошлой жизни он успешно обвел меня вокруг пальца.

Днём я сидела над вышивкой в гостиной, потому что Виллария считала это единственным достойным занятием для незамужней девушки, и ковыряла иглой цветочный узор.

Вышивать я ненавидела с детства, но монотонная работа руками освобождала голову, и я часами прокручивала в памяти хронологию прошлой жизни, выстраивая события по порядку. Помолвка, переезд в столицу, первый приём при дворе, лицо Лифаса, в первую брачную ночь. Скрипела зубами от ненависти, но каждую деталь мысленно укладывала на место, как фишки на игровой доске.

На второй день я перехватила в коридоре горничную Мирту, ту самую, что шептала подруге про Ригана. Мирта оказалась болтливой, стоило лишь спросить с правильной интонацией.

Я столкнулась с ней у кладовой, будто случайно, и участливо поинтересовалась, правда ли, что тот бедный мужчина раньше служил у отца. Мирта, польщённая вниманием хозяйской дочери, выложила всё за пять минут. Что Риган был управляющим финансами Глэя почти двадцать лет. Что его жена, больная женщина, торгует теперь травами на рынке, чтобы прокормиться. Что живут они в каморке у старой мельницы на южной окраине. Что Риган каждую неделю приходит к поместью и каждую неделю его вышвыривают.

Я поблагодарила Мирту серебряным империалом и попросила её никому об этом разговоре не рассказывать, объяснив, что просто волнуюсь за отца. Мирта растроганно закивала. Прислуга любила, когда хозяева снисходили до человеческого обращения, потому что случилось это в нашем доме примерно так же часто, как солнечное затмение.

Вечерами я забирала Роэлза, и мы уходили в сад. Запускали змея, если ветер позволял, или просто сидели под старой яблоней, и он рассказывал мне про жуков, которых нашёл в саду, про то, как Виллария заставляет его по три часа переписывать одну и ту же страницу каллиграфии, и про мальчишку из деревни, с которым ему запрещено играть. Я слушала, и от его голоса, звонкого и доверчивого, внутри отпускало что-то, сжатое в тугой узел.

На третий день я вшила в подкладку юбки потайной карман из обрезка ткани. Работала вечером, при свече, проверяя каждый стежок на прочность. Перед сном достала из тайника свёрток с брошью и серьгами, пересчитала монеты в кошельке, сложила всё обратно и заправила шов.

На четвёртое утро Мардин влетела в мою комнату без стука, как влетала всегда, с порога, будто весь дом был её личной собственностью.

— Лея, одевайся. Мы едем на ярмарку.

Она уже была при полном параде: новое платье цвета спелого персика, волосы уложены в сложную причёску с лентами, на щеках лёгкий румянец.

Перед самым выездом Виллария выдала нам по одному золотому империалу на личные траты. Свою тяжелую монету сестра моментально опустила на самое дно расшитого бисером ридикюля, оберегая драгоценный кругляш пуще девичьей чести. Зато мой кошелек по первому ее вздоху должен распаиваться настежь.

Ярмарочная суета всегда превращала Мардин в алчного полководца на смотре войск. Она вышагивала между пестрыми рядами с гордо поднятой головой, хищным взглядом выхватывая каждую блестящую безделушку и каждого торговца, готового расстаться с товаром за мой счет.

В прошлой жизни я покорно семенила следом в роли исключительно удобного казначея. Мой единственный золотой разлетался звонкой россыпью на приторные леденцы, метры шелковых лент и броские серьги из дешевого сплава.

Сестрица украшала себя этими побрякушками ровно на один вечер ради мимолетной забавы, а наутро благополучно хоронила их в дальнем ящике комода. К закату в моем бархатном мешочке гулял одинокий ветер. А Мардин, разомлевшая от сладостей и обвешанная покупками, одаривала меня поистине королевской улыбкой и снисходительно благодарила за чудесно проведенное время.

— Я почти готова, — ответила я, натягивая тёмно-серое платье и убирая волосы под простой чепец. Мардин окинула меня взглядом, в котором смешались снисхождение и лёгкая брезгливость.

— Ты выглядишь, как вдова на третий день траура. Хотя бы ленту повяжи.

— У меня нет подходящей.

— Конечно, нет, — она закатила глаза и вышла, бросив через плечо: — Жду внизу через пять минут.

Я дождалась, пока её шаги стихнут, достала свёрток из-под матраса и спрятала его в потайной карман юбки. Руки чуть подрагивали. Брошь и серьги ощущались через слой шерсти маленьким, твёрдым комком у бедра.

Экипаж ждал у парадного крыльца. Виллария вышла проводить нас, стоя на верхней ступени с видом генерала, отправляющего полк на учения.

— Мардин, милая, выбери ткани для нового корсажа. Вот деньги, — она протянула дочери увесистый кошель. Потом её взгляд скользнул по мне, задержавшись ровно на секунду. — Элея, присмотри за сестрой. И постарайся вести себя прилично.

Присмотри за сестрой. Мне восемнадцать, ей семнадцать, но в глазах Вилларии я существовала исключительно в роли бесплатной няньки при её драгоценной Мардин.

— Конечно, маменька, — кивнула я, забираясь в экипаж следом за сестрой.

Дорога до города заняла четверть часа. Мардин болтала всю дорогу, в основном о себе, о предстоящем совершеннолети, о платье, которое должно затмить всех присутствующих, о том, кого из молодых дворян следует пригласить, а кого можно и обидеть отказом. Я кивала в нужных местах, вставляла «да, конечно» и «ты абсолютно права», и Мардин, привыкшая к моей покорной роли слушательницы, даже порозовела от удовольствия.

Ярмарка в нижнем квартале занимала три улицы вдоль канала. Разноцветные навесы, крики торговцев, запах жареного мяса, пряностей и дублёной кожи, плотная толпа горожан, через которую приходилось протискиваться боком. Мардин сразу взяла курс на ряды с тканями, и я покорно плелась за ней, пока она шупала шелка, морщила нос на лён и торговалась с таким азартом, будто от этого зависела её жизнь.

А потом, минут через сорок, случилось именно то, чего я ждала.

— Лея, — Мардин вдруг схватила меня за локоть и оттянула в сторону, за палатку с пряностями. Её глаза блестели, щёки пылали, а на губах играла заговорщическая улыбка. — Мне нужно отойти. На час. Может, на два.

— Куда? — спросила я с тщательно отмеренным количеством тревоги в голосе.

— Таира и Лиссет ждут меня в чайной у моста. Мы договорились ещё на прошлой неделе. Только, — она стиснула мой локоть крепче, и улыбка сменилась жёстким, предупреждающим взглядом, — если ты хоть слово скажешь матери, я устрою тебе такую жизнь, что ты пожалеешь, что родилась. Ты меня знаешь.

Знаю. Ещё как знаю.

— Я ничего ей не скажу, Мардин, — тихо ответила я, опустив глаза. — Обещаю. Просто... будь осторожна, ладно?

Она фыркнула, уже теряя ко мне интерес, сунула мне в руки свёрток с купленными тканями и растворилась в толпе, мелькнув персиковым подолом за углом.

Я стояла у палатки с пряностями, прижимая к груди чужой свёрток, и считала до двадцати. Потом до тридцати, на всякий случай.

Убедившись, что рыжая макушка Мардин окончательно исчезла, я развернулась и пошла в противоположную сторону, к той части ярмарки, куда приличные барышни обычно заглядывали разве что по ошибке.

Ряд скупщиков и ростовщиков ютился в узком проулке за мясными лавками, там, где мостовая превращалась в жидкую грязь, а запах прогорклого жира забивал всё остальное. Три лавки подряд, с мутными окнами и тяжёлыми дверями. Над каждой висела потемневшая от времени вывеска с весами.

Я выбрала среднюю, потому что в крайних было слишком людно. Колокольчик над дверью звякнул, когда я вошла.

Внутри было тесно и сумрачно. Прилавок из тёмного дерева, заваленный мелким товаром, весы с медными чашками, полки со всяким хламом до потолка. За прилавком сидел сам хозяин, сухой старик с жёлтыми от табака пальцами и маленькими, цепкими глазами, которые ощупали меня с головы до ног за те две секунды, пока я закрывала дверь.

Он сразу понял, что я здесь впервые. По шляпке, по ткани платья, по тому, как я неуверенно оглядывалась. Молодая дворянка в лавке скупщика, классическая жертва. Я видела, как в его глазах мелькнул тот особый, сытый интерес, будто кот смотрит на мышь, сунувшую нос из норы.

— Чем могу служить, миледи? — голос был сладким и скрипучим, как несмазанная петля.

Я молча достала из кармана носовой платок, развернула его на прилавке. Стрекоза блеснула золотом и зелёными искрами изумрудов в тусклом свете лавки.

Старик потянулся к ней, но я накрыла брошь ладонью.

— Сначала цена.

Он поднял на меня глаза. Что-то в моём голосе, видимо, слегка его озадачило, потому что сладость из его тона чуть схлынула.

— Позвольте хотя бы осмотреть.

Я убрала руку. Он взял брошь, поднёс к глазам, повертел, поскрёб ногтем эмаль, попробовал золото на зуб. Достал откуда-то из-под прилавка увеличительное стекло и долго рассматривал изумруды, покачивая головой с видом человека, которому принесли дохлую кошку и просят за неё цену породистого скакуна.

— Работа грубоватая, — произнёс он наконец, откладывая стекло. — Золото низкой пробы. Камни мелкие, с включениями. Двадцать империалов.

Двадцать.

У меня свело челюсть. Бабушкина брошь, работа столичного мастера, золото и настоящие изумруды. Двадцать. Этот жук занизил цену вдвое, а то и втрое.

— Сорок пять, — сказала я ровным голосом. — Золото высокой пробы, камни чистые. Вы это прекрасно видите.

Старик покачал головой с деланным сочувствием.

— Милая барышня. Я в этом деле сорок лет. Эмаль потрескавшаяся, крепление расшатано, камни, уж простите, на рынке такие по десятке за горсть. Двадцать пять, и я делаю вам огромное одолжение.

Я знала, что он врёт. Он знал, что я знаю. Но у него были деньги, а у меня была нужда, и в этом уравнении побеждал всегда тот, кто мог позволить себе ждать. Я себе такой роскоши позволить категорически не могла.

— Тридцать пять. Это справедливая цена, и вы останетесь в хорошей прибыли, когда перепродаете.

Он вздохнул, поджал губы, побарабанил жёлтыми пальцами по прилавку. Потом полез куда-то под стойку, загремел чем-то, и перед мной легла стопка монет.

— Тридцать. Последнее слово.

Тридцать империалов. Вместе с серьгами, которые я решила пока придержать, и остатками карманных денег, у меня будет чуть больше сорока. Небольшая сумма. Но спорить дальше означало тянуть время, которого у меня оставалось всё меньше. Мардин могла вернуться раньше, а мне ещё нужно было добраться обратно к тканевым рядам.

— Тридцать, — согласилась я.

Старик сгрёб брошь с прилавка так быстро, будто боялся, что я передумаю. Монеты перекочевали в мою ладонь. Я пересчитала, каждую. Он выдержал мой взгляд с профессиональным терпением человека, которого подозревают в обмане совершенно заслуженно.

Тридцать монет. Я ссыпала их в потайной карман юбки, где они легли тяжёлым, надёжным грузом у бедра.

Колокольчик звякнул снова, когда я вышла. Проулок вонял так же, как пять минут назад. Грязь хлюпала под подошвами. Мимо протащили тележку с рыбой, обдав меня волной такого густого запаха, что я на секунду зажмурилась.

Тридцать империалов. С карманными деньгами и тем, что выручу за серьги позже, когда найду покупателя поумнее этого жука, будет сорок. Я планировала шестьдесят, и от этого расхождения между планом и реальностью во рту стоял кислый, неприятный привкус.

Но сорок империалов в кармане лучше, чем шестьдесят в мечтах. На юриста хватит. На первый взнос верной служанке хватит. А остальное я добуду, потому что выбора у меня, строго говоря, всё равно нет.

Я двинулась обратно к тканевым рядам, петляя через толпу, и уже почти дошла до знакомого прилавка с лентами, когда услышала голос.

— Да погодите вы, я же говорю, он был здесь, прямо здесь, в кармане...

Голос был женский, низковатый, с отчётливой хрипотцой раздражения. И абсолютно узнаваемый.

Я остановилась.

У прилавка с кожаными перчатками стояла Кассия Морван. Каштановые волосы собраны в небрежный хвост, на плечах простой дорожный плащ, лицо пылает румянцем. Перед ней на прилавке лежали две пары перчаток, уже завернутые в бумагу, а напротив стоял торговец, широкоплечий мужик с бычьей шеей, и его терпение на глазах подходило к той отметке, за которой начинается рык.

— Сударыня, я вам сочувствую, — цедил он, скрестив руки на груди. — Но товар упакован, время потрачено, а деньги у вас, как я понимаю, испарились.

Кассия лихорадочно шарила по карманам плаща, потом по поясу, потом снова по карманам, и с каждой секундой её лицо мрачнело всё сильнее.

— Срезали, — выдохнула она наконец, оборвав поиски. Произнесла это так, будто выплюнула что-то горькое. — Кошель срезали. В толпе у мясных рядов.

— Бывает, — равнодушно отозвался торговец и потянулся за свёртком, чтобы убрать его обратно.

Кассия стиснула зубы. По скулам прошла волна, и я увидела, как её пальцы сжались в кулаки у бёдер. Она стояла перед этим мужиком, красная от унижения, и для человека с её гордостью это было, пожалуй, хуже, чем сам факт потери денег.

Я подошла, прежде чем успела подумать, правильно ли это.

— Сколько за перчатки? — спросила я торговца.

Он повернулся ко мне, мгновенно оценил платье, шляпку, осанку и переключился с раздражённой клиентки на новую, платёжеспособную.

— Четыре империаля за пару, сударыня. Восемь за обе. Отличная телячья кожа, мягчайшая выделка.

Кассия, стоявшая в полушаге, резко обернулась. Узнавание мелькнуло в её глазах и тут же утонуло в злости. Похоже, она решила, что я собиралась утянуть выбранный ею товар у нее из-под носа.

Её взгляд потемнел, скулы затвердели, и она уже открыла рот, чтобы сказать что-то, от чего нам обоим стало бы неловко.

Я положила монеты на прилавок. Торговец сгрёб их, довольно крякнул и пододвинул свёрток ко мне.

Я взяла его и протянула Кассии.

Её рот так и остался приоткрытым. Заготовленная колкость, какой бы она ни была, застряла где-то на полпути. Кассия перевела взгляд с моего лица на свёрток, потом обратно, и в её глазах, секунду назад полных откровенной враждебности, проступила растерянность. Чистая, ничем не прикрытая, детская почти.

— Элея, — произнесла она. Голос стал ровным и осторожным, будто она ступала по тонкому льду.

— Кассия, — кивнула я в ответ.

Кассия выглядела почти так, как я запомнила её. Обветренные руки без перчаток, прямой упрямый взгляд, привычка чуть выставлять вперёд левое плечо, будто готовясь к удару. Виконт Морван воспитал дочь, которая встречала мир лицом к лицу, и это было так мучительно непохоже на всё, к чему я привыкла в собственном доме.

— Спасибо, — сказала Кассия. Слово далось ей с видимым усилием, как будто благодарность была тяжёлым камнем, который приходилось выталкивать из горла. — Я пришлю служанку с деньгами. Сегодня же.

— Пустяки.

Пауза. Кассия взяла свёрток, сунула его под мышку. Уже разворачивалась, чтобы уйти, и я понимала: если она сейчас уйдёт, то следующий раз мы увидимся через полгода на каком-нибудь балу и снова обменяемся пустыми кивками, как два чужих человека. И снова ничего между нами не изменится.

— Кассия, — окликнула я, и она обернулась через плечо. — Может быть... мы могли бы как-нибудь встретиться. Выпить чаю. Или проехаться верхом вдоль ручья, как раньше.

Я произнесла это и тут же пожалела, потому что «как раньше» было наглой ложью, и мы обе это знали. Раньше было много лет назад, когда мы строили шалаш и клялись в вечной дружбе, а потом я годами отвечала ей мёртвыми, вежливыми записками, каждое слово в которых диктовала мачеха. Для Кассии между «раньше» и «сейчас» лежало предательство, и ей было совершенно всё равно, что предательство совершала Виллария, а я лишь послушно водила пером.

Кассия посмотрела на меня. Долго, внимательно, без улыбки. Её карие глаза были тёплыми, но на этой теплоте висел тяжелый амбарный замок. Она промолчала. Коротко кивнула, развернулась и ушла, быстро и уверенно растворившись в толпе.

Я осталась стоять.

Она ничего мне ответила. Ожидаемо, заслуженно и вполне справедливо.

Ладно. Это был первый шаг. Кривой, неуклюжий, но первый.

Я одёрнула юбку и пошла к прилавку с лентами. Мардин должна была вернуться с минуты на минуту, и к её приходу мне полагалось выглядеть так, будто последний час моей жизни был посвящён исключительно разглядыванию атласных бантов.

Она появилась минут через десять, раскрасневшаяся, с блестящими глазами и подозрительно растрёпанной причёской. Я смиренно стояла у прилавка, перебирая ленты с рассеянным видом.

— Ну что, ничего интересного? — бросила Мардин, забирая свой свёрток с тканями.

— Ничего. Просто смотрела ленты.

— Ленты, — она закатила глаза. — Лея, ты безнадёжна. Ладно, пойдём, я ещё хочу посмотреть ряд с украшениями. Кстати, ты ведь слышала про приём у баронессы Вальт на следующей неделе?

Я слышала. Точнее, помнила. В прошлой жизни Мардин устроила мне целое представление накануне. Перебрала весь мой гардероб, каждое платье, и вынесла приговор с убийственной заботой: «Лея, ну ты же сама понимаешь, что в этом тебе появляться среди людей просто стыдно. Ты хочешь опозорить отца?» Я проревела весь вечер, а потом осталась дома, пока Мардин блистала на приёме в платье, которое Виллария сшила ей на заказ задолго до события.

— Слышала, — ответила я ровно.

— И что наденешь? — Мардин покосилась на меня с ухмылкой, которую я теперь читала, как открытую книгу. Она уже предвкушала. Уже мысленно репетировала, как будет забраковывать мои наряды один за другим.

— Я, пожалуй, останусь дома. У меня голова в последние дни побаливает.

Мардин моргнула. Потом пожала плечами, явно разочарованная тем, что лишилась привычного развлечения.

— Как хочешь. Больше места для тех, кому есть что показать.

Мы двинулись по рядам. Мардин сразу взяла курс на украшения и через минуту уже держала в руках нитку речного жемчуга, любясь ею на свет.

— Прелесть, правда? — она повернулась ко мне, и в её голосе появился тот мурлыкающий тон, который я знала наизусть. — Смотри, как переливается. К моему новому платью подошло бы идеально.

Пауза. Выжидательный взгляд. Лёгкий наклон головы.

В прошлой жизни это был сигнал, на который я реагировала, как дрессированная собачка. Мардин восхищалась, я покупала. Схема работала годами.

— Красивая, — согласилась я и прошла мимо.

Через три прилавка я остановилась у старухи, торговавшей кожаными мелочами. Перебрала несколько поясных сумок, нашла одну с крепкой медной застёжкой и удобным ремешком, из тёмной, мягкой кожи, ничего лишнего. Серебряный империал, сущие копейки. Отдала монетку и повесила сумку на пояс, ощутив приятную тяжесть хорошо сшитой вещи. Деньги из потайного кармана я пересыплю в неё позже, когда Мардин отвернётся.

Сестра догнала меня, всё ещё с жемчугом в руках.

— Лея, ты серьёзно? Поясная сумка? Ты собираешься ходить с ней, как торговка с рынка?

— Удобная вещь, — ответила я, похлопав ладонью по застёжке. — Карманы на юбках вечно рвутся.

Мардин открыла рот, закрыла. Посмотрела на жемчуг в своей руке, потом на меня. Я видела, как в её голове со скрипом проворачивается механизм: Элея только что потратила деньги на себя. На себя, а ей ничего даже не предложила. Такого никогда не было.

Она положила жемчуг в ридикюль, вероятно сама уже расплатилась, и зашагала вперёд, стуча каблуками.

Дальше я купила себе пару шерстяных чулок, простых, плотных, без дурацких кружевных подвязок, которые всегда мешали при ходьбе. Потом кусок хорошего мыла с розмарином у травницы, потому что от щелочного мыла, которым снабжала меня Азура, кожа на руках трескалась чуть ли не до крови. Потом, на совсем уже непозволительную роскошь, три мятных леденца у кондитера. Два для Роэлза, один себе.

С каждой покупкой Мардин мрачнела заметнее. Она шла рядом, цепляя взглядом мои приобретения, и её нижняя губа постепенно выпячивалась в ту самую капризную складку, которую Виллария находила очаровательной, а прислуга за глаза называла «бульдोजьей».

— Лея, — наконец процедила она, когда я убрала леденцы в новую поясную сумку, — ты сегодня странная.

— Странная?

— Ты тратишь деньги на какую-то ерунду. Чулки, мыло, леденцы.

Я посмотрела на неё с невинным выражением, которое отрабатывала перед зеркалом три дня подряд.

— Мардин, это мои карманные деньги. Я просто решила купить себе нужные вещи. Разве это плохо?

Она поджала губы и отвернулась. Её злость была почти осязаемой, густой, как запах пряностей вокруг нас, но выплеснуть её было не на что. Я ведь ничего дурного ей не сказала. Просто впервые за всю нашу совместную жизнь потратила свои деньги на себя, а этого оказалось достаточно, чтобы Мардин весь оставшийся путь до экипажа молчала, стуча каблуками по мостовой с такой силой, будто та была лично виновата в её испорченном настроении.

В экипаже она наконец заговорила, но уже другим тоном, сухим и деловитым, пересказывая сплетни от подружек. Кто за кого выходит, чей отец проигрался, какой-то молодой барон с красивыми руками. Я кивала в нужных местах, а сама думала.

До совершеннолетия Мардин оставалось меньше трех недель. Вскоре начнётся подготовка к балу, потом удочерение, потом мои лавки переписут на неё, а потом, если ничего менять, появятся первые письма от Лифаса. И дальше по накатанной, прямо к эшафоту.

Я прислонилась виском к стенке экипажа и прикрыла глаза. За окном тянулись поля, расчерченные межами. Мардин бубнила про барона.

Я же успею? Не могу не успеть.

Экипаж въехал во двор поместья, и кучер ещё натягивал поводья, когда я увидела у крыльца незнакомую девушку.

Невысокая, крепко сбитая, в простом, но чистом платье с вышитым гербом на переднике. Герб Морванов, лиса с колосом в зубах. Она стояла, выпрямившись, сложив руки перед собой, и терпеливо ждала, судя по загорелому лицу и спокойной позе, уже давно.

Мардин заметила её первой и тут же прищурилась, как кошка, учуявшая мышь.

— Это ещё кто?

Я вышла из экипажа, и девушка шагнула мне навстречу, коротко присев в реверансе.

— Леди Элея Дэбрандэ? Меня зовут Нора. Леди Кассия Морван просила передать вам это, — она протянула мне запечатанный конверт и небольшой кошель, в котором при движении ее руки глухо звякнули монеты. — И просила дождаться ответа.

Я взяла конверт. Плотная бумага, аккуратная сургучная печать с тем же лисьим гербом. Сломала печать, развернула.

Почерк у Кассии был таким, каким я его запомнила: крупным, решительным, с резким нажимом на согласных, будто перо продавливало бумагу от избытка характера. Ни завитушек, ни украшений. Три строчки.

«Возвращаю долг с благодарностью за помощь. Буду у ручья на закате. Если хочешь, приезжай. К.»

Ни «дорогая Элея», ни «с наилучшими пожеланиями». Сухо, коротко, по делу. И всё же она написала. Написала, хотя на ярмарке промолчала и ушла, и я была уверена, что общение с ней не восстановить.

— Лея, что там? — Мардин уже стояла у меня за плечом, привстав на цыпочки и вытянув шею. Её глаза жадно бегали по строчкам, и я сложила записку пополам, прежде чем она успела дочитать.

— Личная переписка, Мардин.

— С кем это ты переписываешься? С Морванами? — в её голосе зазвенело подозрение. Мардин терпеть не могла, когда у кого-то, а особенно у меня, появлялось что-то, к чему она не имела доступа. Чужие секреты раздражали её, как закрытая дверь раздражает ребёнка, привыкшего ходить по дому без спроса.

— С Кассией Морван, да, — ответила я спокойно, убирая записку в поясную сумку. — Мы столкнулись на ярмарке.

— И что ей нужно?

Я повернулась к сестре. Медленно, без спешки. Посмотрела ей в глаза и улыбнулась кроткой улыбкой, которую она привыкла видеть на моём лице.

— Мардин, разве Виллария учила тебя читать чужие письма? Мне казалось, воспитанная девушка из хорошего дома просто не может себе позволить такого поведения.

Мардин вспыхнула. Румянец пополз от шеи к скулам, и на секунду в её глазах мелькнула злость, которую она обычно прятала за ухмылками и колкостями. Я попала в больное место. Виллария из кожи вон лезла, чтобы Мардин воспринимали в обществе как равную, а любой намёк на дурные манеры бил по самому фундаменту этой хрупкой конструкции.

— Я просто спросила, — процедила она, дёрнув подбородком.

— Конечно, — мягко согласилась я и повернулась к Норе. — Передай леди Кассии, что я буду. Благодарю.

Нора кивнула, снова присела в реверансе и быстро зашагала по дорожке к воротам. Я проводила её взглядом, потом сжала кошель, который она передала вместе с запиской.

Мардин уже поднималась по ступеням крыльца, демонстративно прямая, зло стуча каблуками. У самой двери она обернулась.

— Мать, кстати, запретила тебе общаться с Морванами. Ты забыла?

— Мне было тринадцать, Мардин. С тех пор много воды утекло.

Она фыркнула, скрылась в доме, и дверь за ней закрылась с хлопком.

Я осталась стоять на крыльце, сжимая в руке кошель с монетами. Солнце уже клонилось к западу, бросая длинные тени от яблонь через двор. До заката оставалось часа три.

Три часа, чтобы переодеться, оседлать Астру и доехать до ручья. Три часа, чтобы придумать, что сказать человеку, перед которым я виновата так глубоко, что никакие монеты этого не исправят.

Глава 4

За ужином Виллария взялась за Роэлза с первой же перемены блюд.

Началось с того, что брат неправильно держал нож. Вернее, держал он его так, как держат ножи почти все восьмилетние мальчишки на свете, в кулаке, потому что маленькая ладонь ещё физически не может обхватить тяжёлую серебряную рукоять тем изящным захватом, который Виллария считала единственно допустимым.

— Роэлз, сколько раз я должна повторять? — голос мачехи резал воздух, как нож с зубцами. Со скрипом. — Указательный палец вдоль обуха. Мизинец на ребре рукояти. Ты держишь столовый прибор, как крестьянин лопату.

Роэлз покраснел и попытался перехватить нож. Его короткие пальцы разъехались по серебру, и нож со звоном упал на тарелку, забрызгав скатерть подливкой. Брат вжал голову в плечи, и на его глазах мгновенно выступили слёзы.

— Боже мой, — процедила Виллария, откинувшись на спинку стула. — Это просто позор. Тебе восемь лет, Роэлз. Через два года ты начнёшь сопровождать отца на официальных обедах. Через четыре, на приёмах. И ты будешь сидеть за столом с людьми, которые по одной манере держать приборы определяют, стоит ли иметь с тобой дело. Или ты хочешь, чтобы вся столица знала, что наследник Дэбрандэ ест, как свинопас?

Роэлз молчал. По его щеке покатились слеза, которую он отчаянно пытался смахнуть, пока мать смотрела в другую сторону. У него дрожал подбородок.

— Мать права, — буркнул Глэй, ковыряя мясо. — Возьми нож нормально, Роэлз. Хватит реветь.

Я смотрела на брата и чувствовала, как внутри натягивается что-то и без того звенящее на пределе. Ему всего восемь. У него руки ещё растут, пальцы ещё складываются по-детски, ему бы в солдатики играть, а его тычут носом в этикет, как котёнка в лужу, и требуют, чтобы он вёл себя, как тридцатилетний дипломат.

— У него маленькая ладонь, мама, — сказала я. — Этот нож весит больше, чем его кулак. Закажите для него приборы попроще, и через месяц он будет держать их безупречно.

Виллария медленно повернула голову в мою сторону. Её светлые глаза сузились.

— Элея, я воспитываю своего сына так, как считаю нужным.

— Элея, — рявкнул Глэй, бросив вилку на стол, — ты лезешь туда, куда тебя совершенно точно не звали. Виллария его мать. Если она говорит, что мальчик должен учиться, значит, он должен учиться. Закрой рот и ешь.

Натянутое внутри звенело. Я посмотрела на Роэлза, на его мокрое, красное лицо, на скрюченные пальцы, судорожно сжимавшие край скатерти, и что-то внутри меня тихо, отчётливо щёлкнуло.

— Отец, — произнесла я ровно, глядя Глэю прямо в глаза, — Роэлз, ваш единственный сын и наследник, за последний месяц похудел. Он плохо спит, я слышу, как он ворочается через стену. Он ест через силу, потому что каждый приём пищи в этом доме превращается в экзамен, который он пока ещё не готов сдать. Вы хотите, чтобы он научился держать нож? Прекрасно. Дайте ему нож, который помещается в его руку. Вы хотите, чтобы он представлял род Дэбрандэ на приёмах? Замечательно. До этих приёмов ещё четыре года. Четыре года, за которые из ребёнка, которого хвалят и поддерживают, можно вырастить блестящего наследника. А из ребёнка, которого унижают за ужином, вырастает только взрослый, который ненавидит собственную семью.

На столовую опустилась тишина. Мардин замерла с ложкой на полпути ко рту. Виллария побелела. Глэй смотрел на меня, и я видела, как по его лицу проходит странная, незнакомая мне волна. Он открыл рот. Закрыл. Открыл снова. Его багровые пятна на шее, обычные пред-

вестники рыка, проступили и тут же сошли, будто что-то в моих словах выбило из-под его ярости опору.

Потому что я была права. И он это знал. И самое страшное для него было то, что это знали все, кто сидел за столом.

Я отложила салфетку, встала из-за стола, обошла его и протянула Роэлзу руку.

— Пойдём, — тихо сказала я.

Его горячая ладошка вцепилась в мою, и я повела его к двери. За спиной стояла такая тишина, что я слышала, как потрескивают свечи в канделябре.

У лестницы Роэлз наконец разревелся по-настоящему, уткнувшись лицом мне в бок. Он был невысоким ребенком и весил от силы килограмм двадцать, поэтому я не без усилия подняла его на руки и понесла к себе наверх.

В комнате я усадила его на кровать, вытерла ему лицо полотенцем и достала из поясной сумки леденцы. Два мятных кругляша в бумажной обёртке.

Роэлз шмыгнул носом и уставился на них так, будто я предложила ему корону.

— Это мне?

— Тебе. Оба.

Он сунул леденец за щёку и притих, всё ещё вздрагивая от затихающих всхлипов. Я села рядом с ним, подтянув ноги на кровать, и обняла его за плечи.

— Роэлз, послушай. Я хочу, чтобы ты кое-чему научился.

— Чему? — прогундосил он, гоня леденец за щекой.

— Возражать. Правильно, спокойно и так, чтобы тебя услышали.

Он поднял на меня круглые, ещё влажные глаза.

— Матушке? — в его голосе прозвучал такой искренний ужас, будто я предложила ему прыгнуть с крыши.

— И матушке, и отцу, и вообще кому угодно, кто требует от тебя невозможного. Смотри. Когда Виллария говорит, что ты держишь нож, как крестьянин, у тебя есть два пути. Первый, расплакаться. И тогда она решит, что ты слабый, и будет давить сильнее. Второй, посмотреть ей в глаза и сказать: «Матушка, вы правы, мне нужно учиться. Но мне было бы гораздо легче, если бы нож подходил мне по размеру. Можно ли мне попросить другие приборы?»

Роэлз моргнул.

— И она послушает?

— Может быть, послушает. Может быть, нет. Но ты произнесёшь это спокойно, вежливо и по существу, а значит, ей будет гораздо сложнее на тебя кричать. Людям всегда сложнее кричать на того, кто говорит тихо и разумно. Запомни это.

Он задумался, катая леденец языком. Потом кивнул с серьёзностью, на которую способны только дети, решившие, что им доверили великую тайну.

— А если она всё равно будет кричать?

— Тогда ты придёшь ко мне, и мы вместе придумаем, что сказать в следующий раз. Договорились?

— Договорились, — он прижался ко мне, засовывая второй леденец в рот, и его тёплое, шумное дыхание защекотало мне шею.

Я дотянулась до книжной полки над кроватью и достала единственную книгу, которую Роэлз мог бы назвать интересной: толстый, потрёпанный атлас с картами далёких земель и гравюрами кораблей, морских чудовищ и крепостей.

Мама подарила мне его когда-то, и на форзаце ещё сохранилась её надпись, выцветшая, но читаемая:

«Моей маленькой путешественнице. С любовью, мама».

Мы листали атлас вместе, лёжа поперёк кровати на животах. Роэлз тыкал пальцем в гравюры и задавал бесконечные вопросы. Правда ли, что за рассветным морем живут люди с синей

кожей? Нет, не правда. Просто выдумка автора. А виверны там летают? Да, летают. А почему этот остров нарисован в форме черепахи, он правда похож на черепаху?

Я отвечала, старалась честно, и от его вопросов, таких глупых и восторженных, мне становилось так тепло внутри, что хотелось зажмуриться и остаться в этом моменте навсегда.

Он уснул незаметно, на середине рассказа о ледяных островах за северным мысом. Просто замолчал, и его дыхание стало ровным и глубоким. Рыжая макушка лежала у меня на плече, рот был чуть приоткрыт, и в уголке губ поблёскивала слюна.

Я осторожно высвободилась, стараясь его не потревожить. Подтянула одеяло ему до подбородка, убрала атлас на полку. Постояла над ним, слушая его ровное сопение.

В ванной я быстро переоделась в юбку для верховой езды и тёмную блузу. Стянула волосы, проверила поясную сумку. Записка Кассии лежала внутри, сложенная вдвое.

Из комнаты я выскользнула бесшумно, прикрыв дверь так, чтобы замок щёлкнул едва слышно. Коридор был тёмным и пустым. Снизу доносились приглушённые голоса, Виллария и Глэй о чём-то разговаривали в кабинете, и по интонации мачехи я понимала, что разговор шёл обо мне. Плевать. Пусть обсуждают.

Через заднюю дверь, через сад, по знакомой тропинке к конюшне. Сумерки уже загустели, яблони стояли тёмными силуэтами на фоне оранжевого заката, и воздух пах скошенной травой и остывающей землёй.

Бертам сидел на своём ведре, но уже дремал. Я прошла мимо него, стараясь ступать мягко. Астра встретила меня тихим фырканьем и привычным тычком носа в ладонь. Оседлала её за пять минут, вывела через боковые ворота и пустила шагом по тропе, пока поместье не осталось позади.

А потом дала ей волю.

Ветер ударил в лицо, тёплый и густой, пахнувший полевыми цветами и близкой водой. Астра шла ровным галопом, уверенно выбирая дорогу в сгущавшихся сумерках, и я доверилась ей, опустив поводья и вцепившись пальцами в гриву.

Ручей я услышала раньше, чем увидела. Плеск, бормотание воды по камням, шуршание ольховых ветвей. Придержала Астру, перевела на шаг. На нашем берегу, у старой ивы с остатками шалаша, горел маленький фонарь, подвешенный на нижнюю ветку.

Кассия стояла рядом, привалившись плечом к стволу. Её гнедая кобыла паслась чуть поодаль, хрустя травой.

Кассия была в тех же дорожных штанах и высоких сапогах, что и на ярмарке, плащ наброшен на плечи, руки скрещены на груди. Она смотрела на меня, пока я спешила, и её лицо в свете фонаря было замкнутым и настороженным.

— Ты пришла, — констатировала она без радости.

— Пришла.

Пауза. Ручей шумел. Астра и гнедая Кассии обнюхали друг друга и мирно встали рядом, опустив головы к траве. Лошади оказались разумнее своих хозяек.

— Кассия, — начала я, и голос против воли дрогнул. Я прокашлялась. — Я хочу кое-что сказать. И я хочу, чтобы ты дослушала, прежде чем решишь, стоит ли оставаться.

Она чуть наклонила голову, молча давая мне продолжить.

— Наша дружба закончилась по моей вине. Я знаю, что ты писала мне. Знаю, что мои ответы были холодными и пустыми. Я могла бы найти способ объяснить, почему так вышло. Могла бы рассказать тебе долгую, жалкую историю с оправданиями. Но это было бы нечестно. Факт остаётся фактом: ты протягивала мне руку, а я её оттолкнула. И мне за это стыдно.

Кассия молчала. Её лицо ничего не выражало, словно непроницаемая стена.

— Я хотела бы всё исправить, — тихо закончила я. — Если ты мне позволишь.

Ещё секунда тишины. Потом Кассия разжала руки, опустила их вдоль тела и негромко произнесла:

— Ладно.

Одно слово. Без упреков и обьятий. Но и без «нет», а для Кассии Морван, которая умела отказывать, «ладно» значило многое.

Мы пошли вдоль ручья. Молча поначалу, просто рядом, привыкая к присутствию друг друга. Фонарь остался у ивы, и мы шли в густых сумерках, ориентируясь по блеску воды и шуму течения. Трава была высокой, мокрой от вечерней росы, и подол юбки быстро потяжелел.

У излучины я заметила знакомые бледные пятна в траве. Наклонилась, сорвала один стебель. Мясистый, прохладный, с мелкими колокольчиками, источавшими тот самый тонкий, чуть сладковатый аромат, который я помнила с первой прогулки. Заправила цветок за ухо и выпрямилась.

— Что это за растение? — спросила я, повернувшись к Кассии. — Раньше здесь такого точно не было.

Кассия бросила взгляд на цветок в моих волосах.

— Сильфий. Мы засеяли им большое поле за восточным лесом в прошлом году. Видимо, семена разнесло ветром до ручья.

— Сильфий, — повторила я, пробуя слово на вкус. — Никогда о таком не слышала.

— Его мало кто знает в наших краях под этим названием. Отец привёз семена из южных провинций. Над землёй ничего особенного, просто цветки с приятным запахом. А вот под землёй у него корнеплод, бледный такой, похожий на репу. Из него получают специю под названием «Люз», которая на столичных рынках будет стоять безумных денег. Через неделю у нас начнётся сбор и сушка, как раз первый урожай.

Люз? Точно, после моего замужества эта специя стала настолько популярной, что ее добавляли практически во все блюда даже во дворце. Мне и самой нравилась эта пряность.

Она говорила о деле с тем спокойным, деловым увлечением, с каким люди говорят о вещах, в которых по-настоящему разбираются. Виконт Морван с юности приучал её к управлению помещьем, и результат был налицо: Кассия рассуждала о севообороте и рыночных ценах, как иные девушки нашего круга рассуждали о фасонах платьев.

Мы прошли ещё немного, и разговор постепенно стал легче, будто размокла корка, покрывавшая его с самого начала.

— А у тебя как дела? — спросила Кассия, искоса глянув на меня. — Замуж ещё не собираешься?

— Пока точно нет.

— Ну и правильно, — она фыркнула с такой убеждённой, что я невольно усмехнулась. — И почему же? В нашем возрасте все мечтают замуж выскочить.

— У меня... более насущные вопросы. Мне нужен юрист, которому можно доверять. И личная служанка. Такая, которая будет служить только мне.

Я сказала «мне» с таким нажимом, что Кассия остановилась и посмотрела на меня внимательнее. Она была умной девушкой. Ей хватило одного удара, чтобы понять: в доме Дэбрандэ у Элеи прислуга служит кому угодно, только не ей самой.

— Юрист, — повторила она задумчиво. — Есть один. Господин Тальвер, контора на улице Медников в столице. Он вёл несколько дел для нас с отцом по наследственным вопросам. Дотошный, честный и, что важнее, купить его стоит дороже, чем большинство может себе позволить. Скажи, что от Морванов, он примет без очереди и сделает скидку.

— Тальвер, — я повторила имя, запечатывая его в памяти. — Спасибо.

— А служанка... — Кассия потёрла подбородок. — Знаешь, у моей тётки Берниль на прошлой неделе произошли перемены. Она выдала дочь замуж, домашнее хозяйство сократилось, и она отпустила нескольких девушек. Среди них были очень толковые. Я могу узнать, кто из них ещё свободен.

— Буду тебе очень обязана.

Кассия махнула рукой, отмечая благодарность, как муху.

— Пустяки. Хорошая прислуга, это практический вопрос, а практические вопросы я люблю.

Мы дошли до излучины, где ручей делал широкую петлю, и повернули обратно. Фонарь у ивы светился далёким, тёплым пятном в темноте. Лошади стояли рядом, тёмными силуэтами на фоне последней полосы заката.

— Элея, — сказала Кассия, когда мы подошли к лошадям. Она взяла свою гнедую под уздцы и обернулась. — Приезжай ко мне через три дня. На чай. Я покажу тебе поле с сильфием, если интересно. И к тому времени узнаю насчёт девушек от тётки.

— Приеду, — ответила я.

Она кивнула, поднялась в седло и тронула лошадь. Я смотрела, как она переправляется через ручей в мелком месте, поднимая брызги, и скрывается в темноте на той стороне. Стук копыт быстро затих.

Я погладила Астру по шее и убрала фонарь с ветки.

Обратная дорога прошла быстро. Астра сама выбрала путь, уверенно ступая в темноте, а я сидела в седле и крутила в голове: Тальвер, юрист на улице Медников.

Поместье встретило меня тёмными окнами. Почти все, кроме одного: в кабинете Глэя на втором этаже горел свет. Я обогнула дом, завела Астру через боковые ворота, расседлала, задала ей корму и тихо выскользнула из конюшни.

В доме было тихо. Я скинула сапоги в прихожей, взяла их в руку и босиком пошла к лестнице, ступая по холодному камню.

На третьей ступеньке из темноты проступила Виллария.

Она стояла в коридоре, в халате поверх ночной рубашки, со свечой в руке. Пламя освещало её лицо снизу, отбрасывая резкие тени под скулами, и от этого она выглядела старше и злее, чем при дневном свете.

— Элея, — произнесла она ледяным тоном, от которого хотелось поморщиться. — Где ты была?

— Каталась верхом. Мне было нужно подышать воздухом.

— Подышать воздухом, — повторила она, и каждый слог прозвучал насмешливо. — У ручья. На границе с землями Морванов.

Мардин. Ну, разумеется. Сдала при первой же возможности. Я мысленно усмехнулась.

— Я, кажется, ясно дала понять много лет назад, — продолжала Виллария, подходя на шаг ближе, — что общение с семьёй Морван для тебя закрыто. Виконт Морван оскорбил нашу семью. Его жена публично унизила меня. Я запретила тебе с ними видаться, и этот запрет до сих пор в силе.

Свеча в её руке горела ровно, пламя застыло, будто заколдованное. Виллария ждала того, чего ждала всегда: опущенных глаз, дрожащего «простите», покорного кивка.

— Я слышу вас, матушка, — ответила я тихо. — Спокойной ночи.

Обошла её и поднялась по лестнице, чувствуя спиной её тяжелый взгляд. Она ничего больше не сказала, но я знала, что это молчание дорогого ей стоило. Виллария напоминала. Виллария считала. Виллария планировала.

Ну и пусть планирует. В этот раз я тоже умею.

В комнате Роэлз спал, свернувшись клубком поверх одеяла, которое я на него набросила перед уходом. Рыжие вихры торчали во все стороны, рот был приоткрыт, а на подушке рядом с его щекой лежала скомканная обёртка от второго леденца. Похоже, он проснулся, но не захотел идти к себе.

Я тихо прикрыла дверь, села на край кровати и вытащила из-за уха бледный колокольчик. Повертела в пальцах. Сильфий. Даже имя у него было красивое.

Я положила цветок между страниц книги на столе, рядом с первым, уже подсушенным. Потом легла рядом с братом, подтянула одеяло и закрыла глаза. Роэлз во сне подкатился ко мне и ткнулся лбом мне в плечо. От него пахло мятой и летним солнцем.

Завтра будет длинный день. Но сейчас, в эту минуту, мне было спокойно.

Глава 5

Утро началось с очередного завтрака, на котором Виллария делала вид, что вчерашнего ужина никогда не было. Она намазывала масло на хлеб с безмятежным видом.

Глэй жевал молча, уставившись в тарелку. Мардин бросала на меня быстрые, настороженные взгляды, пытаюсь понять, что изменилось.

Роэлз сидел рядом со мной и сосредоточено ел, держа нож так же, как вчера, в кулаке. Виллария посмотрела на его руку, и я увидела, как её губы дрогнули, готовые произнести замечание. Но она промолчала. Я чуть сжала колено Роэлза под столом, и он, скосив на меня глаза, едва заметно улыбнулся.

Маленькая победа. Но теперь они считаются с ним. Особенно после того, как утром переполошились, не найдя Роэлза в его спальне, потому что братик сладко спал в моей кровати. И, к слову, даже не ворочался ночью.

Виллария попыталась закатить скандал, говоря, что это неприлично. Я же ей ответила, что неприлично не заботиться о собственном сыне и думать вские непотребства.

Ее закипающее от возмущения лицо доставило мне истинное удовольствие.

Я дождалась, пока прислуга унесёт последнюю перемену, и произнесла ровным тоном, обращаясь к столу в целом, будто сидела в зале суда:

— Мне нужен экипаж после завтрака. Я еду в город.

Вилка Глэя замерла на полпути к тарелке. Виллария медленно повернула голову.

— Зачем тебе в город? — спросила мачеха тем мягким, участливым голосом, который я научилась распознавать как предвестник отказа.

— У меня дела.

— Какие дела могут быть у молодой девушки в городе без сопровождения?

— Личные. Я вернусь через пару часов.

Виллария промокнула губы салфеткой. Движение было медленным, отточенным, давно превратившимся в ритуал, за которым она прятала раздражение. Я знала эту повадку: когда мачеха начинала двигаться подчёркнуто плавно, внутри у неё всё кипело.

— Элея, милая, я боюсь, это невозможно. Экипаж нужен Мардин к полудню, она едет к модистке на примерку. Ты же помнишь, совершеннолетие совсем скоро, и платье до сих пор требует доработки.

Мардин тут же приосанилась с видом человека, чьи интересы только что получили официальную государственную поддержку.

— Я понимаю, — кивнула я. — Меня в городе ждут утром, а к модистке Мардин сможет поехать, когда я вернусь.

— Элея, — Виллария чуть повысила голос, и в нём зазвенела сталь, — я уже сказала, что экипаж нужен Мардин.

Я спокойно посмотрела ей в глаза. Просто посмотрела, намереваясь продемонстрировать, что в этом доме у меня тоже есть права.

— Матушка, мне восемнадцать лет. Я совершеннолетняя и имею такое же право пользоваться семейным экипажем, как и любой другой член этой семьи. Вы можете считать, что мои дела менее важны, чем примерка платья. Но вы точно знаете, что запирают совершеннолетнюю дочь в поместье, запрещая ей выехать в город, было бы... неприлично. Особенно если об этом узнают соседи.

Последнее слово я произнесла мягко, почти ласково. Но Виллария услышала его так, как я и рассчитывала. Соседи. Слуги. Сплетни. Виконтесса Морван, которая и без того при каждом удобном случае высказывалась о порядках в доме Дэбрандэ. Виллария потратила годы,

выстраивая репутацию образцовой жены и матери, и даже крошечная трещина в этом фасаде будет стоить ей дороже проклятого экипажа.

Её губы сжались в тонкую белую линию. Пальцы, лежавшие на салфетке, чуть побелели от напряжения. Но голос, когда она наконец заговорила, был ровным.

— Хорошо. Возьми экипаж. Но будь добра вернуться к полудню.

— Разумеется, — я поднялась из-за стола, кивнула отцу, который за всё время разговора промышчал лишь что-то невнятное в тарелку, и вышла из столовой.

На лестнице меня догнала Мардин. Она схватила меня за локоть, и в её зелёных глазах плескалась чистая, незамутнённая злость.

— Ты что творишь? — прошипела она. — Мне нужно к модистке к полудню, у Жанетты после обеда другие клиенты!

— Тогда тебе стоило встать пораньше и поехать до завтрака, — ответила я, осторожно высвободив локоть. — Я верну экипаж через два часа, Мардин. Успеешь.

Она стояла на ступеньке выше, раздувая ноздри, и я видела, как её кулаки сжимаются и разжимаются у бёдер. Хотела сказать что-то ещё, что-то злое и обидное, но я уже спускалась к выходу, и ей оставалось только смотреть мне в спину.

Экипаж ждал у парадного крыльца. Кучер Бергам, почти тёзка конюха, немолодой мужчина с обветренным лицом и привычкой молча выполнять приказы, уже запряг пару гнедых.

— Улица Медников, — сказала я, забираясь внутрь.

Бергам кивнул, щёлкнул поводьями, и экипаж тронулся. Я откинулась на спинку сиденья и позволила себе выдохнуть. Руки мелко дрожали, и я сцепила пальцы на коленях, чтобы унять эту дрожь. Уже совсем скоро мне предстоит жесточайшая битва за приданное матери.

Дорога заняла четверть часа. Экипаж трясся по разбитой просёлочной дороге, потом выехал на мощёный тракт, и езда стала ровнее. Я смотрела в окно на проплывающие мимо поля, перелески и редкие деревеньки, и прокручивала в голове то, что собиралась сказать юристу. Формулировки, факты, даты. Мне нужно было звучать как женщина, которая знает свои права, а я по-прежнему ощущала себя девочкой, играющей во взрослую.

— Куда конкретно, госпожа? — спросил кучер.

— Контора юриста Тальвера, — ответила спокойно.

Улица Медников оказалась узкой, но респектабельной. Двухэтажные каменные дома с коваными балконами, чисто выметенная мостовая, латунные таблички у дверей. Контора Тальвера располагалась в доме номер четырнадцать, между нотариальной конторой и лавкой аптекаря. Скромная вывеска: «А. Тальвер. Юридические услуги. Наследственное и торговое право».

Бергам остановил экипаж, и я выбралась на мостовую, расправляя складки тёмного платья. Поправила шляпку, проверила поясную сумку. Кошелек с монетами, записная книжка, огрызок карандаша. Всё на месте.

Поднялась по трём каменным ступеням к двери, взялась за латунную ручку, потянула на себя.

И замерла.

Из двери, навстречу мне, шагнул мужчина. Высокий, на голову выше меня, широкоплечий, в тёмном дорожном камзоле без украшений, если не считать украшением серебряную застёжку в виде драконьего когтя на воротнике.

Чёрные волосы коротко стрижены, лицо с резкими, чёткими чертами, будто кто-то рисовал его жёсткими, уверенными штрихами, без единой лишней линии.

Тёмные глаза, глубоко посаженные, с тяжёлым, внимательным взглядом, который ощущался физически, как давление ладони на грудную клетку.

Дэйрон Драгмор. Тень императора. Его единокровный внебрачный брат.

И бессмертный дракон... которого я убила.

Глава 6

Мир вокруг меня замер. Звуки улицы отодвинулись, будто кто-то накрыл их толстым одеялом. Я стояла на ступенях, сжимая латунную ручку двери, и смотрела на человека, которого убила собственными руками.

Перед глазами вспыхнуло: его тело на каменном полу дворцовой залы. Тёмная лужа, расползающаяся от его груди. Удивление в его глазах, мучительное, ничем незамутнённое удивление, потому что он до последнего верил, что я пришла за помощью, а я всадила ему кинжал в сердце. И его голос: «Уходи, Лея...»

Сердце споткнулось и встало. Секунда, может, две. Пот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.